

Борис Юдин
Дилетант

Предупреждение:

Ничего подобного с автором в действительности не происходило и не могло происходить.

Думаю, Аннушка успела побывать на этой лестнице Нью-Йоркского сабвея. А я был слишком погружён в себя, чтобы заметить пролитое масло. Воздаяние наступило сразу: ноги заскользили по ступенькам, резко рвануло руку, лежащую на перилах, и тут же - беспощадный удар в голову. Стало тяжело дышать. Я услышал, что хриплю, пытаюсь позвать на помощь, и провалился в темноту...

...Чертовски долго не было трейна. На этой линии вечные опоздания. Я подошёл к группе чернокожих зевак на перроне. Спросил, оттирая плечом зеваку в бейсболке:

- Что-то случилось?

- Сам видишь. Эти белокопые копы завалили мужика, а теперь делают вид, что оказывают помощь. Поздно. Я-то повидал мертвяков на своём веку. Fuck... Fuck... Fuck...

Я уже плохо слышал чёрного. Я смотрел на себя, лежащего на перроне под лестницей. Смотрел, как полицейский, стирая кровавую пену с моего подбородка, пытается надеть мне кислородную маску. Смотрел, как он щупает пульс на шее, неловко поворачивая мою голову.

- Но он же ещё живой, - заметил я грузному мужику справа, говоря о себе почему-то в третьем лице.

- Умер, умер, - успокоил меня сосед. - Ты не переживай. Полетели, пока не поздно.

Шустрая мексиканка с ребёнком в рюкзаке на груди, торопясь, прошла сквозь меня стоящего, и я заметил, что незнакомый мужик протягивает мне маленькие крылышки, вырезанные из картона и обклеенные блестящей алюминиевой фольгой. Обычная ёлочная игрушка. Причём, самоделка.

Я вспомнил, как мучился в детстве, делая ёлочные игрушки. У меня была книга "Умелые руки" - предмет зависти многих мальчишек. В этой книге было необыкновенно красиво нарисовано и подробно описано, как можно сделать чудесные ёлочные украшения самому из подручных материалов. Я очень старался. Но у меня игрушки получались корявыми и мало похожими на картинки. Идеал, к которому я стремился, и результат не совпадали. Крылья, предложенные мне, напоминали те детские убогие самоделки.

Я стал рассматривать собеседников. Уж очень мне было любопытно.

Оба были одеты в гимнастическое трико. Причём, на одном трико было чёрного цвета, а на другом белое.

Обычное, изрядно поношенное, трико.

А грим на лицах - в контраст с трико. У одного белый, у другого чёрный. Я посмотрел на их ноги. У обоих не было обуви, да и ступней не было тоже. Это отсутствие ступней и стало для меня последним аргументом. Значит я действительно умер! Я представил, во что обойдутся мои похороны и мне стало не по себе.

- Ну, нет, мужики! - начал я торговаться. Просто так, чтобы протянуть время. - Сегодня я не смогу. Дела, знаете ли... Может быть, в другой раз. Да и летать на этом картоне, - тут я показал на крылышки, которые сосед в чёрном всё ещё держал в протянутой руке. - Не получится.

- Всё получится, ты только не горюй, - заверил меня тот, что в белом. - Не мы придумали правила игры, не нам и отменять.

Они вели себя, как санитары в дурдоме с капризным пациентом.

- Полетели, наконец! - сказал Чёрный и подтолкнул меня в спину...

... Улица, на которой стоял наш дом, скатывалась под дамбу к самой реке и во время летних ливней становилась потоком грязной воды. Это были несколько часов восторга. Босиком, мы в одних трусах смело бороздили мутные потоки, не забывая, впрочем, о священных границах своей улицы. Вслед за нарушением границ следовала неизбежная драка улица на улицу со своими, как водится на войне, героями, трусами, жертвами.

Уже повзрослев, я иногда вздрагивал посреди улицы: я перешёл границу!

В тот день я придумал потрясающе смешную штуку. Возле трамвайной остановки в конце улицы образовалась большая вымоина. Яма глубиной почти в мой рост. Гениальная идея! Мы перегородим улицу: станем так, чтобы остался проход только в промоину. Я убедил ребят, что если вдруг поедет кто-то на велосипеде, то получится очень смешно. Народ поверил. Мы, заранее хихикая и заговорщицки переглядываясь, рассредоточились на улочке, а велосипедист не заставил себя ждать. На мгновение он замешкался, выбирая дорогу, и я угодливо показал ему рукой на яму, покрытую мутной водой. Когда он поднялся на ноги, вымокший, с разбитым лицом, мне стало не смешно, мне стало страшно.

И эта струйка крови стекающая из носа в левый угол рта...

Он ничего не сказал, этот человек. Ему и не нужно было говорить. Я и без того знал, что подло обманул его и предал. Знал, но гордо проходил в героях двора несколько дней...

... Мы стояли перед огромной плитой чёрного базальта, покрытой египетскими иероглифами, с резным барельефом, на котором, скорей всего, было изображено царство мёртвых.

Тут, который в белом, засомневался:

- Может, поспешили забрать?

- В самое время, - утешил Чёрный, - у меня на него триста восемьдесят девять книг заведено, по тысяче восьмьсот шестьдесят проступков в каждой.

Они всё больше и больше напоминали мне если не санитаров дурки, то служащих морга, которые делают своё дело, а на остальное им наплевать. В этой деловитой беспощадности было нечто, что мне очень не нравилось. Я не любил равнодушных ко мне людей. Если встречались такие, то я старался их либо обойти, либо покорить своей неординарностью. Но сегодня была не та игра. Я шкурой чуял, что попал и скидок мне не будет...

... На этап нас набили полный воронок. Утешало только то, что вокзал был рядом. Эти полкилометра нас везли около часа. Хотя, кто его знает, сколько? Часов не было ни у кого. До этапа я проторчал двадцать дней в одиночке: меня "ломали", добиваясь чистосердечного признания. Впрочем, не по-настоящему. Если бы "ломали" по-настоящему, конечно бы, "сломали". Просто все, от следователя до начальника милиции знали, что я не виноват и выполняли поступившие указания формально.

В КПЗ я был относительно спокоен, но здесь, когда открылись двери воронка и сержант проорал обычные этапные команды насчёт шага вправо-влево, когда неистово залаяли псы, роняя пенистую слюну, я, точно так же как сегодня, шкурой и мясом, всем существом своим ощутил: попал в машину.

Ощутил - и содрогнулся. Она, машина эта, равнодушно и деловито сметет меня в муку, в дерьмо, даже не заметив, какой я уникальный и неповторимый .

Я подумал, что каждый винтик в этой страшной машине добрый, хороший человек, каждый любит и любим, заботливый семьянин и чуткий товарищ. Но почему же они творят несправедливость?

Тогда я зажалел себя и побежал к вагону по коридору из охраны, лающих собак и провожающих. Мне незачем было останавливаться: я знал, что меня никто не придёт провожать...

- Пстой, пстой, парень! - закричал я Чёрному. - Что ты делаешь? Я же никогда не был в тюрьме!

- Ты только не суешься, - возразил мне Чёрный. - В своём пласте - ну, конечно, не был. А в других был. Ещё как был.

- Не знаю я никаких ваших пластов, - возмутился я. - И нечего выдумывать.

- Он пластов не знает... Тоже мне - святая невинность, - проворчала противным голосом настольная лампа на письменном столе. На том самом письменном столе, за которым я обычно делал уроки. Проворчала, и на затрёпанный учебник "Родная речь" включила проекцию меняющихся фотографий из той моей жизни, которой никогда не было. Фотографии мелькали с невероятной быстротой, но всё же я понял, что был насильником, убийцей и, вообще, малосимпатичной личностью. Захотелось заплакать. Уткнувшись в мамины колени и выплакать эту безнадёжность.

- Ну-ну! - стал утешать меня Белый. - Ты не принимай так близко к сердцу. Это игра такая. Просто, мы должны проиграть все варианты. Тут и дураку ясно, что это было не с тобой Этим, а с тобой Тем.

И я признался сам себе, что в их играх я не понимаю ничего...

... Барельеф внезапно ожил и фигуры задвигались.

- Вы очумели? - прорычало странное существо - человек с головой собаки.

Бог Сет, а может быть Тор... Из памяти начисто выдуло всю мифологию Древнего Египта.

Мужик с собачьей мордой продолжал ворчать:

- Могли бы и подготовить, как положено по инструкции. Я что вам, его целиком на весы положу?

Только тут я заметил, что в правой руке он держит аптекарские весы. На одной чашке весов лежала миниатюрная библиотека - несколько стопок малюсеньких книжечек в редкой красоте переплётах. Вторая чашка весов была пуста. Это для меня, догадался я...

...И стояла ночь. Только что мне разрезали ремни, стягивающие руки. Кисти рук затекли и в них болью пульсировала кровь. Свет факелов и резкий запах потных мужских тел. По ступенькам меня волокли наверх.

Я посмотрел на тех, кто меня держал. Это были ацтекские воины в боевой раскраске.

И тут я понял - они меня тащат к жертвеннику! Горячими волнами рвалась и билась кровь в моём, уже обречённом теле, по ногам текла моча.

Вот тут я и увидел этих, обычно невидимых, великанов. Они колыхались огромной массой и, казалось, не делали ничего особенного, но мне от их присутствия сразу стало спокойно. И я вспомнил нашу первую встречу...

... Я лежал на высоком столе в приёмном покое и догадывался, что умираю. Догадывался по озабоченным лицам персонала, по маминым рыданиям, доносящимся из другой комнаты. Но мне было решительно всё равно. Мною владело то редкое безразличие, которое бывает перед смертью у животных, когда опытный хозяин говорит, что вот что-то заскучал его Серко, небось скоро копыта отбросит. У меня случился разлитой перитонит, нужна была срочная операция, но была глубокая ночь и персонал лихорадочно искал хирурга. Тогда-то и появились эти странные существа впервые. Безликие и бестелесные, больше напоминающие плотный туман, они сперва просто стояли возле меня. Потом на одном из них стало двигаться нечто похожее на изображение. Я знал, что это показывают меня, но мне было неинтересно. Я увидел себя в тот самый момент, когда я умолял взрослых достать из канализационной ямы котят, которых бросили туда, чтобы они утонули. И столько боли было в их мяуканье, столько страха, что моё равнодушие прошло, и сердце рвалось состраданием в клочья.

И вот, когда исчезла эта картинка вместе с мрачными посланниками, я уже знал, что всё будет хорошо, потому что у неведомого, огромного и всеобъемлющего так же болит обо мне душа, как у меня за погибающих котят.

Хирурга нашли вовремя и мы с ним всю операцию проговорили об отношении Льва Толстого к жизни и смерти. Я выжил. И с тех пор каждый день живу как последний, наслаждаясь самим процессом жизни.

Мне было тогда четырнадцать. Но каждые семь лет после этого наступало состояние, напоминавшее депрессию. Я обычно шутил, что, как змея, меняю кожу. Потом появлялись эти двое. Иногда что-то показывали, но чаще просто стояли. Я ощущал, что становлюсь новым человеком, что прежний Я растворился и исчез. Всё это сменялось приливом энергии. И жить становилось ещё интересней.

Моя теперешняя встреча была седьмой по счёту ...

Когда меня прижали спиной к чёрной плите, я уже простил этих воинов, которые то толчками, то хриплым шёпотом подбадривали меня. Скорей бы! Горячие капли с факелов падали мне на грудь. Крики толпы - и вот я равнодушно и отстранённо смотрю, как трепещет моё сердце в окровавленных руках жреца. И думаю: "Успеет ли он взбежать на пирамиду, чтобы встретить первый луч солнца?"

... Такую же обречённость и мольбу: "Скорей бы!", - я видел в глазах у кроликов, которых убивал, ударяя ребром ладони по мозжечку. Трудно убить лишь в первый раз. Потом это становится работой...

... Мой отец, пройдя войну, не мог зарезать курицу.

- Бабка моя! - оправдывался он перед матерью. - Животная, ведь, всё понимает, в глаза смотрит...

Когда я вырос, я понял, что он был прав, мой отец. Обычай завязывать глаза казнимым - это гуманность к палачам...

... Чашки весов ещё покачивались, когда раздался рык:

- Вы кого притащили! Немедленно отправьте назад: пусть созреет!

Когтистая лапа сгребла моё сердце с чашки весов и швырнула вниз. Уже падая, я увидел, как этот самый Сет или Тор снял маску. Под маской оказалось небритое лицо моего отца с капельками пота на лбу. Он посмотрел на меня, летящего в бездну, и заговорщицки подмигнул. И я провалился внутрь самого себя.

- I did it! - орал чёрный санитар в машине.

Я понял что меня везут в госпиталь, и мне стало спокойно и тепло.

- Strong man! - сказали надо мной ...

...Господи! Что они творят со мной? Зачем они повесили этот экран? У меня хорошая память и я помню свою жизнь. Сколько же раз можно прокручивать одно и то же? Это же стыдно и один раз показать!

Экран, на котором демонстрировался "кинофильм" на тему "Как это было", размещался в неприглядной старинной раме с осыпающимися левкасом и позолотой. В своё время вот такими пустыми рамами я оформил целое действо.

Всё это отличалось от кинофильма только тем, что мои эмоции заметно изменяли сюжет. Когда мне становилось совестно и больно за себя, действующие лица начинали вести себя иначе.

В то время, когда бардак, называемый перестройкой, начал раскатываться вширь и вглубь, мы с женой стали подрабатывать на озвучивании иностранных фильмов.

Работа эта была в основном дикторская, не требовавшая особенного знания языка. Только внимания да умения одновременно смотреть на экран и читать подстрочник. Если фильм шёл неделю по пять-шесть сеансов в день, то к концу недели начинало казаться, что на экране существует некая своя жизнь, зависящая не от авторов, но от зрителей. И, что стоит только залу нестандартно прореагировать, как тут же немного меняется сюжет.

Вот и сейчас я знал, что от моей эмоциональной реакции на "кино из моей жизни" моё будущее обязательно должно измениться...

- Я вот что тебе скажу, парень! - зашептал мне в ухо Белый.

У него было горячее дыхание. И пахло хорошим табаком. Мне сразу вспомнилась фраза из позабытой уже повести Балтера "До свидания, мальчики", что от настоящего мужчины должно пахнуть коньяком и одеколоном "Красная Москва". Ох, Боже ж ты мой! Где то время-времечко, когда я с друзьями верил во все эти книжные премудрости.

- Я вот что тебе скажу, - не унимался Белый. - Всё может измениться. Конечно, может. Надо только найти главное. Самое главное.

- А где? - тут же спросил я. Перспектива, хоть и хлипкая, выкрутиться из этого дерьма, меня заинтересовала.

- Где, где? - засмеялся Чёрный, - у лягушек на пруде!..

...Когда родилась во мне эта сладкая страсть обладать книгой? Нет, не читать, - это было второстепенно, - а именно обладать. Как сладок был запах шрифта и свежесклеенного корешка! В доме было мало книг. Вернее, не было совсем: мы жили скромно, если не сказать, бедно. Хотя, бедности не замечали в те годы. Но во дворе был мальчик из порядочной, как было принято говорить тогда, семьи. Кажется, его звали Виталий. Он самостоятельно ходил в единственный в городке книжный магазин и иногда предлагал мне прогуляться за компанию. Я, должно быть, выглядел начитанным мальчиком. Каждый мальчишка во дворе знал о моём литературном даре: я мог сочинять матерные стихи на любую тему. По дороге к магазину мы говорили, обычно, о литературе. Но литература было не главное. Главное было в самом магазине. И даже не в магазине, а в возможности подойти к прилавку и с видом знатока рыться в книгах, неразборчиво мыча. Это было не просто шикарно - это ошеломляло.

Я учился, наверное, классе в седьмом, когда и мне выпало такое счастье. Мне стали давать деньги на школьные завтраки, и было просто преступно тратить их на жратву. В большой перерыв я успевал сбежать в книжный магазин. Обычно я покупал маленький сборник стихов

издательства "Советский писатель" и долго мучился, читая. Я утешал себя тем, что нужно, видимо, наработать в себе привычку читать Поэзию. Только тогда прикоснёшься к Великому. Нужно только потерпеть. И я терпел...

- Тоже мне, книгочей хренов! - заворчал на столе англо-русский словарь Миллера.
- Ты хоть знаешь, какие он деньги на эту резаную бумагу гробил? - спросил он у Чёрного, - Не знаешь? А я знаю. Сумасшедшие. Лучше бы, паразит, ребёнку что-нибудь купил.
- Это точно, - зардовался Чёрный и начал писать в своей книжечке.
- Контора пишет, - засмеялся Белый.
И они оба лопнули воздушными шариками...

...Я услышал английскую речь:

- No, no his liver and his heart are in the great shape! Но не хотелось бы оперировать без согласия родственников. Подождём. Хотя, не думаю, что в ближайшие несколько часов они найдутся.
На моё счастье родственники нашлись. Через пять часов мне, наконец то, сделали рентген, обнаружили перелом черепа, пробитую височную артерию, обширную гематому и смещение мозга, и стали готовить к операции...

...Я всю жизнь недолюбливал профессионалов. И это не только потому, что сам я так и не стал профессионалом.

Я ненавидел эту клановую замкнутость и редчайшее равнодушие к тому, что делаешь. На их вечно скучающих и всё знающих мордах начертано:

- Не мешайте, дилетанты! Мы действуем строго по инструкции. Не мешайте!

Вот и сейчас по бесконечным коридорам меня везли профессионалы. Они равнодушно мололи кости кому-то, кто слишком много о себе думает, а сам не знает параграфа №115.

Я был привязан к креслу на колёсах. Иногда мы въезжали в лифт, видимо очень скоростной: когда он трогался, возникало состояние невесомости. Я пригляделся к своим сопровождающим. Лиц у них не было! Как не было и плеч. Кисти рук просто висели в воздухе. Но я сразу догадался, что это всё те же старые знакомцы - Белый и Чёрный.

- Где я?

- На дурацкие вопросы нам отвечать не положено, - проворчал Чёрный.

- Где, где! По вашему это называется "Неопознанный летающий объект", - радостно сообщил Белый. - Нас по всякому называют. Кому как нравится. Кто инопланетянами, кто ангелами, а кто и чертями.

...Интересно, чем они говорят? И на каком языке? Хотя, это не так уж и важно.

И тут паскудный холодок пополз по телу. Я понял: хорошего ждать нечего. И пришёл страх. Вспотели и унизительно задрожали руки.

...Я не храбрый человек. Если не сказать трусливый. Например, всю жизнь я панически боюсь высоты. Однако в детстве я прочитал, что настоящий человек должен воспитывать характер и начал, обмирая от ужаса, лазить по крышам, водосточным трубам, пожарным лестницам. Ведь, я был настоящий.

... Кому я всю жизнь доказываю, что я человек? Себе? А зачем?..

... Странное желание забраться на высоту оставалось потом долго. Как-то в Пскове без объяснений и подготовки я молча стал карабкаться на стену одной из башен Псковского кремля. Я долез до верхних бойниц и разочарованно крикнул вниз:

- Ребята ! А она ведь пустая!

Сейчас могу только представить, что обо мне думали мои спутники, очень серьёзные молодые люди, жившие ради карьеры. Я, наверное, должен был вести себя иначе...

... Меня вкатили в зал, похожий на зал ожидания провинциального вокзала. Возле стен сидели и стояли люди. Увидев меня, народ оживился. Меня окружили.

Экзальтированная дамочка орала на весь зал:

- Я забираю печень! Я уже год жду хорошую печень! Это моя очередь!

Она наклонилась надо мной и потрепала по щеке:

- Не надо так бояться. Всё будет хорошо.

Я поманил её кивком головы и прошептал:

- Вас хотят надуть. Вам впихнут мою печень, а я хронический алкоголик.

- А анализы? - засомневалась она.

- Полная туфта, - заверил я.

Она жёсткой рукой взяла меня за подбородок, твёрдо посмотрела в зрачки, вернее, проникла в зрачки.

- Посмотрите! - заорала она. - Вы только посмотрите, что делается! Я год жду приличную печень, а кого ко мне привозят? Алкоголика! Трудно было сделать правильный прогноз?

Публика сочувственно молчала. Открылась дверь и претендентку на мою печень пригласили войти. Я понял, что получил отсрочку на несколько минут...

... Как выглядит печень алкоголика, в нашем городке знал каждый.

Она была красочно нарисована на брандмауэре одного из домов в центре. Однако, несмотря на красочное предупреждение, вырасти не алкоголиком было непросто. Я попробовал спиртное, наверное, года в четыре: нашёл случайно забытую кружку с недопитой брагой и приложился. До сих пор помню это мучительное опьянение.

Я по тому времени был нормально развитым мальчонкой. Болел рахитом, но через эту болезнь прошли почти все мои сверстники. У меня была другая проблема. Я не мог до конца сориентироваться в пространстве. Верх и низ отсутствовали для меня и, когда я падал, пол обрушивался на меня и придавливал. На улице дома качались, поднимались и парили, а то исчезали совсем. Эту странную особенность зданий произвольно исчезать и появляться я заметил, будучи уже взрослым.

Так вот, о выпивке. Когда мы с мальчишками начали пробовать винцо и водочку, нам было лет по пятнадцать. Можно было и не пить. Только никому и в голову не приходило, что можно отказаться, когда товарищи пьют. Такая была жизнь. По понедельникам страна мучилась похмельем и резко падала производительность труда. В этой области, - не в производительности труда, конечно, - у меня были свои проблемы.

Я не переносил алкоголь. Меня тошнило после второй рюмки. Я до сих пор завидую тем моим друзьям, которые умели не "отключаться" после выпитого...

- Нет! Вы только послушайте его, послушайте! - заорала фаянсовая кружка с чаем и от возмущения начала подпрыгивать, дребезжа ложкой, которую я забыл вынуть. - Тоже мне святой, ёлы-палы! Жрал он эту водку немерено как только дорывался!

- А ведь жрал? - спросил Белый шепотком.

Что мне оставалось? Только согласиться...

- Погоди-ка, погоди-ка! - Чёрный листал на ходу одну из своих заветных книжек и, похоже, нашёл что-то интересное. - Может вот это посмотрим? А вдруг прокатит?

- Давай, - согласился Белый. - Нам то что? Мы ничего не теряем.

И я увидел себя со стороны. Как в кино.

Я смотрю на себя и знаю, что иду с покосов.

Я - хозяйский мальчонка Эдгар. Я коренаст, в русской гимнастёрке, выкрашенной луковой шелухой в коричневое. Пшеничные волосы и голубые глаза. Бос. Я - батрак Председателя сельсовета. Хозяин, чтобы злые языки не трепали, записал меня в домовую книгу, как двоюродного брата. Но все на хуторах, разумеется, знали кто я такой. Знали, да помалкивали. Время было такое, что не стоило болтать лишнего.

Мы спустились в ложбинку к старой бане и пруду, вода в котором зацвела и припахивала гнилью. Осталось подняться на взгорочек - и дома.

- Ну, вот и прибежали, - сказал я.

Со стороны хутора протрещали автоматные очереди. Потом сухие щелчки пистолетных выстрелов.

Я замер пригнувшись, и вслушался. Тихо.

- Ты сховайся в баньке, - сказал я Эдгару. - Мабуть, бандюги.

Эдгар кивнул и скрипнул хлипкой дверью.

Я с деланным спокойствием пошёл к дому. Смутно было мне. Ой, смутно!

Смутно-не смутно, а иттить надо. Всё одно сыщуть, как ни ховайся. Я прошёл бульбешником к хлевам и осторожно выглянул из-за угла. Трое незнакомых мужиков смолили свинью. Да баба в сапогах и галифе возилась у крыльца.

- Ты проходи, не стесняйся. Гостем будешь, - сказали за спиной.

Я прислонил грабли к хлеву побрёл к дому. У ворот стояли две подводы, а возле подвод высокий мужик в кожаном пальто.

- Учитель, что с этим делать? Шлялся тут, - это снова голос из-за спины.

- Ничего с ним не надо делать пока. Это наш батрак, - сказал высокий и я сразу узнал сына бывшего хозяина. Того самого хозяина, что купил меня у немцев, сняв с эшелона.

- Паночек! - деланно зардовался я. - Пан Езус! Матка Боска Ченстоховска! - за последние пять лет я стал говорить на дикой смеси польского, русского и латышского, что впрочем не казалось странным - здесь все так говорили.

- А люди баяли, что тебя красные порешили, - я подошёл к Учителю и поцеловал руку.

- Что ж ты домой не вернулся? - спросил Учитель, - тебя же освободили эти красножопые хлопы.

- Куда мне вертаться? - сказал я и шмыгнул носом, - Там спалили усё.

- Погоди, Мартынь, погоди! - остановил Учитель мужика, который начал было заносить в дом солону, - это мы всегда успеем. Ты вот что мне скажи, - это Учитель снова к мне, - ты же знаешь, где ихний щенок спрятался. Я по глазам вижу. Не смей лгать! - прикрикнул Учитель.

Я за это время успел осмотреть двор. Возле кустов смороды лежали хозяин с хозяйкой. Хозяин всё ещё сжимал в правой руке обрез, из которого, похоже, выстрелить так и не успел. Та баба в галифе, что возилась у крыльца, оказалось, снимала с убитой девочки ботики и что-то у неё не ладилось.

- Ты что уставился? - спросил Учитель, - трое детишек у неё - надо одеть, обути. Так где же ихний пащенок?

- В бане сховался, - сказал я и сам удивился, как это просто у меня получилось.

Учитель кивнул и двое побежали в лощинку на ходу передёргивая затворы шмайссеров. Вернулись они скоренько и привели Эдгара с разбитым в кровь лицом. Привели. На колени поставили. Учитель протянул мне пистолет:

- Стреляй. Докажи свою верность.

- Я не умею, паныч, - сказал я и заплакал.

- Сумеешь, - улыбнулся Учитель. - Захочешь жить - сумеешь.

- Стреляй, - сказал Эдгар. - Пусть будет быстрее. Стреляй.

Тогда я сжал пистолет и закрыл глаза. Грохнуло.

- Ну, вот, - засмеялся Учитель. - А ты думал - это трудно. На вот, денег возьми. - Учитель протянул мне пачку. - Дом жечь не будем. Смотри, береги! Я всё равно вернусь.

К воротам подскакал верховой. Народ засуетился: бросили забитую свинью на подводу, несколько мешков с барахлом. Рванули застоявшиеся кони, и подводы исчезли в ближайшем леске.

- На Салиене поехали, - пробормотал я и пошёл в дом. - Это правильно они поехали - Там леса погуще.

В доме я уже ни о чём плохом не думал. Я хорошо знал тайник, где хозяин прятал самогон.

- Не было этого! Не было! И быть не могло! Я же после войны родился! - орал я, пытаюсь порвать свои путы.

Белый загрустил:

- Если бы знать, что было, а чего не было!

- Знал бы прикуп, жил бы в Сочи! - подхватил Чёрный.

...Середина лета. Ночь. Окна открыты и в доме стоит сладко-медовый запах липы, цветущей под окном. Я пишу, готовясь к "халтурке".

Из спальни появляется встревоженная жена и говорит, что к нам лезут в окно. Я раздражённо отмахиваюсь - это абсолютно нереально залезть по стенке на третий этаж старинного дома. Но посмотрев в глаза жены, всё же подхожу к окну. На дереве, на тонких сучьях, достающих до нашего окна, сидит парень. Видимо, очень пьяный, потому что трезвый давно бы сорвался.

Я ложусь грудью на подоконник и закуриваю. Молчим. Потом парень говорит:

- Прикури и мне...

Я прикуриваю сигарету и подаю "Тарзану". Некоторое время оба молчим.

- Танька что? Не тут живёт? - нарушает тишину незнакомец.

- Нет. Не тут...

- Тогда скажи ей, что я её всё равно убью, суку.

Выговорившись, парень слазит с дерева и исчезает в ночи...

...Это что? Реальность?...

...Ко мне подошла женщина лет тридцати с усталым лицом. Она деловито стала щупать мне мышцы на левой ноге.

- Ты-то что хочешь? - спросил я у неё, чувствуя, что отсрочка моя истекает.

- Хожу битый час и ногу никак подобрать не могу.

- Зачем тебе моя нога?

- Понимаешь, я была балериной. Сейчас на пенсии. Но нет покоя - очень болит левая нога. Боюсь - она стала разрушаться.
- Тебя хотят обмануть, - пошёл я по проверенной дорожке.
- Не придуривайся! У тебя всё в порядке. Не бойся, мне не нужны твои мясо да кости. Мне нужен духовно-энергетический слепок. Биомасса - это для червячков. Она тоненько засмеялась. Я задумался. Страх стал проходить. Наступала здоровая злость на себя и на происходящее.
- Тебе сколько лет, миленькая? - я решил поиграть на тему "старших нужно уважать".
- Чудной ты парень. В наших краях времени нет, а значит нет и возраста, но когда пристают парни вроде тебя, я всем говорю, что мне четыреста с хвостиком.
- Сколько?
- На самом деле мне намного больше. Ведь я уже два раза была в материи. В первый раз меня звали Иродиада...
- А во второй? - спросил я раздражённо.
- Во второй Айседора. Красиво, правда? - и она заискивающе засмеялась.
- Красиво, - согласился я. Хотя, что мне оставалось?..

... Мне выдали на дом парик, наклейки и коробку с гримом. Я часами сидел перед зеркалом, размалёвывая своё лицо. Результат мне понравился настолько, что, обнаглев, я явился в школу в гриме старика и заявил директору, что родители, которых он вызывал, сегодня заняты. Так может быть, сойдёт бабушка? Я думал, что директор будет говорить обо мне, как о последнем подонке и хулигане, но услышал много комплиментов в свой адрес и лёгкие сетования на лень и неорганизованность.

Думаю - директор заметил мой маскарад.

В школе все учителя называли меня слабовольным. Я был с этим не согласен категорически. Но они были правы, мои педагоги. Я не мог себя заставить подчиняться, пусть даже во имя чего-то. А они силой воли называли именно умение заставить себя делать то, что хочет начальник. "Есть такое слово "надо!" - вот лозунг советской школы и Советской армии. Но мне это было не надо...

- Нет! Я больше не могу слушать, как этот человечешко всё перевирает. Я не могу больше! - снова нахально встряла настольная лампа.
- Вот, бывают же такие паскудные характеры. Кажется, что ей до меня? Так нет! - нужно свои три копейки вставить.
- Лентяй он был - лентяем и остался! И напрасно вы от него чего-то ожидаете. Он не способен.
- Сейчас я тебя вообще выключу, - пригрозил Белый и правдоискательница заткнулась.
- И вот это у нас называется свобода слова, - сыронизировал Чёрный. А я с облегчением сообразил, что нужен им. А если нужен, то есть шанс продержаться...

... Меня вкатили в операционный зал. У столов суетились, позвякивал инструмент, приглушённо переговаривались люди. Ко мне подошла женщина в светлой одежде, повернула кресло так, чтобы на моё лицо падал свет и стала смотреть в глаза.

Гипнотизирует решил я и стал сопротивляться изо всех сил.

И только решил, как на лбу у неё открылась заслонка и из отверстия, похожего на глаз, выдвинулся тонкий ярко-голубой луч. Луч проник в мой правый зрачок. Боли я не чувствовал,

но понимал, что всё это - насилие над моей личностью. Внезапно моя левая нога и рука обмякли, превратившись в куски мяса, тяжёлые и лишние.

- Готово. Можно забирать, - сказала моя мучительница.

Тут же подскочили двое и поволокли окровавленное в пластиковых пакетах.

Я осторожно посмотрел вниз. Мои нога и рука были на месте. Я попробовал напрячь мышцы и ничего не понял - связали они меня профессионально...

... Круче связывать, чем связывают в советском дурдоме, не связывают нигде. Это целая философия. Больной не вписывается в рамки - это проступок, за которым неизбежно последует наказание. А наказание должно запоминаться.

Я находился в этой клинике на обследовании. Проступки мои были налицо: меня заловили с самиздатовской литературой и, что ещё хуже, я удрал со сборов офицеров запаса. Комендатура нашла меня быстрее, чем КГБ - те и не искали, скорее всего. В будущем маячил трибунал. Я поступил просто. Записался на приём к знакомому психиатру и тот, добрая душа, положил меня на обследование. Я волновался - про сумасшедших ходило масса жутких легенд. Но когда меня ввели в отделение, и меня радостным воплем встретил друг-художник, завсегдагатай диссидентских тусовок, мне стало сразу хорошо и спокойно: везде наши.

Через неделю лечащая меня разбитная девица предложила в качестве эксперимента опробовать на мне новое лекарство. Я послал её прямым текстом по всем адресам, которые помнил. Минут через пятнадцать мне уже втюхали в ягодицу десять кубиков серы и привязали к кровати...

- Вы что, ребята, снова будете сказки рассказывать про всякие планы? - спросил я, стараясь выглядеть ироничным. - Тут уж, как хотите, так и крутите. Только не было этого и быть не могло. И нечего мне чужие грехи шить - у меня своих, как блох!

- Это уж - верно! Это уж - правильно! - зардовался Чёрный.

А Белый терпеливо, как ребёнку несмышлёному, объяснил:

- В твоём случае Боссу не важно, что с тобой было. Ему важно, чего с тобой не было. Теперь понял?

- Понял, - сказал я, чувствуя, что выражение лица становится у меня дурацким...

... Нехорошая вещь зеркало. Никогда не поймёшь, что оно отражает.

Что? Это я? Вот эта толстая морда, заросшая седой щетиной - это моё лицо, созданное по образу Господа? Нет! Не надо! Я не такой! Я обаятельный и красивый. Я люблю себя. Не могу же я любить харю, уставившуюся на меня из этого стекла! Нет! Видимо кто-то подменяет моё отображение, в тот момент, когда я подхожу к зеркалу. И я вижу не самого себя, а некий зловещий отпечаток моих поступков и проступков?

- Ну вот! Догнал, наконец, - оживился Белый. - Ты не выход ищи. Ты поступок ищи. Как только найдёшь поступок, так вся эта карусель и закончится.

- Или начнётся, - пошутил Чёрный. И засмеялся. Смех его был похож на бульканье.

- Какой поступок, парни? - Заинтересовался я. Наконец- то все эти метания по чужим жизням начали обретать некий смысл. И главное, шанс поторговаться появился.

- Всё равно какой, - ответил Белый.

- Да, - подтвердил Чёрный. - Начальству по фигу, какой. Лишь бы был поступок.

- Понял, - сказал я. - Всё понял. Значит получается, что поступок - это и есть выход.

- Ага, - согласился Чёрный. - Выход. Или вход. Впрочем, не всё ли равно.
И тогда я заговорил стихами:

- Когда я
выхожу "Из",
я тут же
оказываюсь "В"...

Так же,
как, выходя из дому,
осторожно
закрываю за собой дверь,
чтобы она
не хлопнула,
и не проснулись дети.
Вышел?
И куда теперь?
Ведь
Чем дальше выходишь,
Тем глубжеходишь.

Так стоит ли выходить?

- Ишь ты! - Восхитился Белый, - Ну, ты, брат, даёшь!

... В тот день мы с мальчишками украли лодку и поехали купаться. Нам было лет по восемь. День стоял ясный. Волны на реке не было. Было солнце, одуряющий запах лозняка и разноцветные стрекозы, зависающие над водой.

Мы поставили лодку на якорь у небольшого омута и стали плавать от лодки к берегу и от берега к лодке. Деревенские мальчишки давно умели плавать и проблем у них не было. Проблемы были у меня, потому, что я только ДУМАЛ, что умею плавать. И, как только я прыгнул с лодки в черноватую воду, так тут же пошёл ко дну.

Я медленно опускался и удивлённо смотрел как изо рта у меня выпрыгивают и поднимаются вверх серебристые пузыри, как вокруг меня кружатся незнакомые лица. Я поднял голову вверх и увидел, что поверхность воды стала зеркалом и моё перепуганное лицо отражается в этом зеркале. И вот, когда я понял, что умер, сверху, пробив зеркальную поверхность, опустилось спасительное весло.

С тех пор я стал думать, что все чужеродные среды разделяет вот такая же зеркальная плёнка, и что первому существу, вышедшему из воды на берег, потребовались усилия не меньшие, чем потребовались бы мне, вздумай я уйти в зазеркалье.

Вот такие "мудрые" мысли рождались во мне, пока я пытался управиться со своей трёхдневной щетиной.

Я сидел в инвалидном кресле возле зеркал в туалете "Только для пациентов". Правой рукой я держал электробритву, брился, и начинал уже размышлять на тему: "Роль отражения в нашей жизни", когда лицо моё неожиданно начало расслаиваться. Сначала отделились, вышли из зеркала и беспрепятственно прошли сквозь меня мои многочисленные двойники, становясь всё моложе и моложе. Последним, немного вибрируя и на ходу корректируя чёткость своего

изображения, вышел семилетний Я, одетый в серенькую комбинированную курточку, которую сшила моя мама. С чёлочкой на лбу. Он потрепал меня по щеке и, уходя, громко хлопнул дверью.

Я давно уже перестал как пугаться, так и удивляться всякой чертовщине. Списывал всё на травму. Хотя своих двойников я ещё мог объяснить. Но вокруг меня толпилась масса совершенно незнакомых людей. И не только людей. Животных тоже. Среди последних выделялся агрессивностью чёрный с белым козёл. Не в смысле ругательства, а настоящий. Я вспомнил это животное. Его звали Борька. У этого Борьки была необъяснимая ненависть к пьяным. Он подкарауливал их, прячась за плетнями, а потом катал рогами по улице, пока не уставал. Мужикам это осточертело и они решили Борьку кастрировать. Мне было доверено держать его переднюю ногу во время операции, которая шла, естественно без наркоза. Давно уже от Борьки ни рожек, ни ножек не осталось, да и мужики переселились на заросшее травой лесное кладбище. А, гляди ты! Козёл Борька заблудился в моей памяти.

Солидный, элегантно одетый человек подошёл и сказал:

- Вы должны отпустить нас.

Я не понял и спросил:

- Куда отпустить?

- Не куда а откуда, - поправил он. - Вы родились со злой и цепкой памятью, которая удерживает то, что Вам совершенно ни к чему. И даже то, что вы давным-давно забыли. Например, наши лица. А ведь в лицах заключены и судьбы. Многих из нас в живых уже нет, однако в вашей памяти они, бедолаги, всё ещё живы. А те, кто ещё страдает на нашей земле? Наши судьбы зависят от вас, вернее не от вас, а от вашей подсознательной оценки. Справедливости ради нужно сказать, что не только от вашей. Вы от нас точно так же не свободны. Согласитесь, довольно неприятно сознавать, что твой завтрашний день зависит от того, что сделал со щенками своей собаки некий дядя Витя из глухой костромской деревни.

Я был согласен с этим мужчиной на все сто процентов, но как избавиться от него - не знал.

О чём немедленно ему и сообщил. И посоветовал этой толпе освободиться самостоятельно.

- Ну и ну! - сказал мужик и толпа постепенно растворилась.

- Нет! Я больше так не могу! - заорал Чёрный, - ты чё смотришь, в натуре?

Сейчас он был типичным русским блатняком в адидасовском спортивном костюме и с массивной золотой цепью на груди.

- Я смотрю то, что вы мне показываете, - рассердился я.

- Тебе конкретно показывают только то, что в тебе. Давай по новой, козёл!

- А за козла ответишь, - привычно парировал я. И вышел.

И стою, рассматривая утро. И мордарий мой достаточно бессмысленен. Я стою и тупо смотрю на группку космей возле забора. Там, где сложены доски. Давно, наверное, сложены в невысокий штабелёк. Потому что покрыты патиной, как старое серебро. А поверх этого серо-серебристого - капли росы. Вот, когда роса просохнет, можно будет посидеть на штабельке и покурить неторопясь.

Так. Теперь осталось только понять, куда же это я вышел. Тут с этими выходами и заходами вечная путаница. Никогда сразу не поймёшь, где ты оказался.

- Эй! Служивый! Глину давай меси. А то стал, как корова, в раскоряку, - раздалось позади.

Я обернулся и сразу вспомнил. Это я на гауптвахте в городе Черняховске. А ворчит старый немец-печник, к которому меня определили подсобником. На гауптвахте начальство решило восстановить паровое отопление. И немца наняли сложить печь под котлом.

Нет! Не хочу! Это скучная история. Ничего весёлого в этом нет. Разве что вспомнить про разбитных девиц.

Из двора, где космеи розовели над полыньёй и лебедой и из-под штабеля досок выглядывали апельсиновые календулы, были видны окна третьего этажа дома напротив. И в одном из окон после обеда начинали веселиться две девки.

- Солдат! - кричали они, - Сиськи показать? И одна из них снимала кофточку и лифчик, обнажая рыхловатую уже грудь с крупными сосками.

При этом обе красавицы заливались смехом.

Отсмеявшись, начинали шептаться, ища видимо, подходящий вариант для следующей пантомимы.

- Солдат! А жопу видел?

И одна из девок становилась на подоконник, закидывала полол юбки и приспускала штаники в розовых цветочках. Странные такие цветочки. Ромашки что ли?

Обнажались незагорелые ягодички и переулочек сотрясал дружный смех.

Это было очень славно: покуривать в кулак заначенный чинарик и знать, что вот тут, совсем рядом, есть бледные девичьи попки, есть... да о чем говорить! Много чего есть!

Нет! Это всё же страшная история. Там плохо всё заканчивается, потому что девы в один из осенних дней просто выпрыгнули из окна на улицу. Нет. Это не по мне. Я лучше в другое место выйду.

Я затоптал окурок каблуком сапога и пошёл обратно.

В полуподвальчике, где была котельная, не было двери, и надо было просто спуститься по четырём ступенькам с выщербленными краями от времени и беспощадных солдатских каблуков. Я шёл вниз по этим ступенькам и по дороге всё жалел этих девчонок с третьего этажа. Может, больные. А может, просто, чтобы выход эмоциям был. А то ведь скучища тут небось непролазная.

Печник сидел на кирпичках и курил трубку с коротким мундштуком. От того, что мундштук был слишком короткий, дым попадал печнику в глаза. И в уголке левого глаза образовалась крупная слеза, уже собирающаяся стечь вниз по щеке с седой щетиной.

- Ты чё, батя? Спросил я печника.

- Это был мой дом, - сказал печник. Вынул трубку изо рта и трубкой этой, зажатой в кулаке, обвёл вокруг себя.

- А как же ты? - спросил я, присаживаясь рядом, - Тут же всех местных выселили.

- А я на фронте был, - сказал печник, возвращая трубку в угол рта. - Я тоже был солдат. Потом в Сибири был.

- Ну, и как тебе Сибирь? - спросил я не без ехидства, надеясь что старик начнёт жаловаться.

Но он не жаловался. Он затаился несколько раз и пояснил, как ребёнку:

- Нормально. Мне было нормально. Мне везде хорошо. Потому что не ты в Сибири, а Сибирь в тебе. Если ты свободный, тебя никто не лишит свободы.

- Ага, - согласился я. Поднялся и начал в который раз месить глину. Это не потому что была такая необходимость, а для того чтобы не смотреть на эту стариковскую слезу. Я ворочал лопатой и думал, что опять вышло не так, как хотелось.

- Стоп! - заорал Чёрный, - перебрали!!!

- Ну, братан, ты уж прости, - наклонился надо мной Белый. - Тут действительно хватили лишку.

- Что случилось, парни? - опять не понял я.

- По инструкции мы не должны дать понять клиенту, что прошлое и будущее - это одно и то же, - прошептал Белый то и дело оглядываясь.

- Так я всё равно этого не понял, - утешил я Белого.

А Чёрный, - подслушивал, подлюга, - облегченно вздохнул...

... Меня отвезли вглубь операционной. Ожидая своей очереди, я равнодушно смотрел как чем-то похожим на луч вскрывают черепную коробку здоровенному мужику.

- Вскрывают, как консервную банку, - подумал я.

Обнажился мозг. Кресло с мужиком повернули и я увидел, что это не мужик, а огромный орангутанг. Это привело меня в ужас. Я решил, что сейчас мне поставят его мозг. Я начал биться в своём кресле и ругаться почём зря.

Подошёл мрачный тип, видимо старший. Спросил, причём не у меня, - до меня он не снисходил, - у санитаров:

- Какие-то проблемы?

- Клиент странный, - ответил один из санитаров. - Всю жизнь просил благополучия и покоя и себе и детям, а теперь недоволен.

- Да! - закричал я, - просил! Но не такой же ценой!

- Не обращайтесь внимания, - ответил старший. - Вы же знаете этих русских халявщиков.

Он было уже ушёл, но что-то, видимо, его насторожило. Он обернулся, быстро подошёл ко мне, вынул из кармана блестящую пластинку и стал её внимательно разглядывать.

- Чудеса, - подумал я. - Рук нет, одни кисти, а карманы есть.

- Они там очумели, - растерянно сказал этот странный русофоб санитарам. - Он жив.

- Не может быть, - равнодушно ответили они. - Он не смог бы преодолеть Барьер.

- Может - не может? Сами видите, что может. Уберите его с глаз долой, а я пойду доложу.

Меня снова покатали...

... Я был без работы, когда появились эти заказчицы. Поэтому я не раздумывая заявил:

- Да, конечно! Я сделаю этот мемориал. Да. В оговоренные сроки.

И тут же набросал рабочий эскиз и пролепил из пластилина будущий мемориал жертвам фашизма в том самом сельсовете, где каждый новый властитель считал себя обязанным расстрелять некоторое количество людей. И хотя расстреливали все и всех - и белые, и красные, латыши, и поляки, и немцы, и каждый при этом был убеждён, что именно он творит правое дело, но памятник по мысли заказчиков должна была венчать красная звезда.

Два месяца я ползал по огромному булыжнику около четырёх метров в высоту, вырезая на нём рельеф и шрифт. Я подстилал ватные одеяла, но всё равно колени и локти были разодраны и непрерывно зудели.

Когда рабочие устанавливали камни, я сидел в отдалении, курил и думал, почему этот прекрасный уголок земли все палачи, не сговариваясь, отвели для казни. Проклят он, что ли, этот треугольник между трёх дорог, поросший некошеной ещё травой.

Послышались крики от места установки. Я подошёл. Оказалось, что рабочие отказываются копать траншею для фундамента, потому что открылись человеческие кости. Я посмотрел в траншею. Поверх полуистлевших, потемневших костей лежала человеческая лопатка с двумя пулевыми отверстиями.

- Не нужно глубже. Заливайте так, - дал я команду.

Фундамент получался мелкий. В своё время убийцы не потрудились зарыть жертвы поглубже.

Когда огромный камень встал над этим скорбным местом, я не удержался и заплакал. Я, здоровый мужик, плакал, как ребёнок, по всем убиенным и убиваемым. Плакал по себе, которого никто не научил, как надо делать мемориалы и которому пришлось всё придумывать с нуля.

Мои друзья, называя меня везунчиком, всегда считали, что всё мне даётся без труда...

...Санитары снова покатали меня по бесконечным коридорам. Я удовлетворённо отметил, что я уже не связан и лежу в кровати. Правда, хотя и не связан, но не могу двинуть ни рукой ни ногой. Лифт долго шёл вниз. Меня оставили одного. Я приподнялся и сел.

И увидел, что сижу не на кровати, а на крышке гроба. Хороший американский гроб с окошечком в изголовье. Я посмотрел в окошечко и увидел себя мёртвого. Странно, неприятно и вместе с тем сладко было рассматривать своё неживое лицо с пробившейся уже седой щетиной и с подвязанной челюстью. Я-то и живым не очень любил себя рассматривать на фотографиях и в зеркалах. В детстве у меня была уверенность, что в зеркале живёт другой мальчик и, когда я не смотрю на него, он занимается своими делами. Я поворачивался к зеркалу спиной, выжидал время и потом резко оглядывался, чтобы застать его врасплох.

Я посмотрел по сторонам. Похоже, что я находился в подсобке то ли морга, то ли похоронного бюро. И тут вошла странная пара. Это был мой собственный кот Кузя. Правда, уже не совсем мой. Этот Кузя был ростом чуть ниже среднего человеческого. Он с достоинством шёл на задних лапах правой передней держа под локоток белоснежную кошечку в розовом бантике. На Кузе были шикарные туфли от Версаче и широкий кожаный пояс.

- Привет, хозяин! - сказал Кузя вполне человеческим голосом. - Как кастрировать котов - так мы сразу. А вот, как нужна прижмёт, так без кота не обойтись? Начинай, Сузи! - скомандовал он.

Кошечка грациозно столкнула меня с крышки на пол, открыла гроб, быстро и ловко сняла одежду с трупа и, усевшись на грудь, стала передними лапами втирать в тело душистую мазь.

- Кузьмич, скажи, где я? - спросил я, любуясь Сузиной работой.

- Где, где. В крематории, вот где. Сжигать тебя сейчас будут, вот что я скажу.

Мне стало обидно. Почему сжигать? Нельзя было на кладбище что ли?

- Ну ты и чудила! - сообщил мне Кузя, - Ты знаешь хоть, сколько в Нью-Йорке место на кладбище стоит? То то! А здесь за всё про всё - полторы штуки. И причём, ты уже выходишь чистенький. А то мучайся потом. Яму раскапывай, когти ломай.. Да вымыть потом сколько дела.

- А что она делает? - я показал в сторону кошечки, которая так разошлась, что уже начала азартно урчать.

- Сузи делает тебе специальный массаж, чтобы ненужное - сгорело, а нужное - осталось, - сказал Кузьма голосом усталого экскурсовода...

...Я-то повидал за свою жизнь покойничков! Как-то нашему городскому режиссёру Фарину загорелось памятник поставить покойной сестре, а в мастерской очередь на памятники была на весь остаток его жизни. Начальство и предложило ему подготовить ведущего похоронных церемоний в обмен на памятник вне очереди. Я не мог отказать старику, как мне казалось, в ерунде. И, проведя пару церемоний, незаметно втянулся. Тем паче, что это давало существенный приработок. Правда, первое время меня преследовал трупный запах, а потом то ли принялся, то ли ещё как.

...Вот видишь, какой у тебя богатый опыт. Чего же ты боишься? - спросил язвительно Чёрный, высморкался в носовой платок и стал рассматривать содержимое.

- Я не боюсь, я опасаюсь, - резонно возразил я...

...Оказалось, мой гроб стоит на непонятной металлической конструкции, которая внезапно стала подниматься наверх. В потолке распахнулись створки и гроб, в котором я лежал, оказался в зале для прощания. Я по-прежнему сидел на крышке и всматривался в лица моих родных. Но боли разлуки я не испытывал. Появилось равнодушие к происходящему, что ли. Церемония была православной и, следовательно, не совсем обычной для американского похоронного дома. Но мне было глубоко по фигу, какая шла церемония. Затем гроб плавно опустился вниз и покатился по рельсовой дорожке в печь. И тут я пожалел, что при жизни не увлекался диетами и прочим. Очень уж неаппетитно выгорает жир на пузе и обвисших боках, пока тело ломает в диком танце синеватое пламя. Я вспомнил Кузины объяснения и согласился, что всё это было лишним. А раз так, то пусть горит...

- Этот кот... Он что у тебя учёный что ли? - Проявил интерес Чёрный, - Уж очень много знает лишнего. Этого кота обязательно поймать нужно.

Я испугался за Кузю. И попытался найти компромисс:

- Ну, какой там учёный? Обычный безграмотный кот. Учёные - они диссертации всякие защищают. По цепи ходят. Кругом. А этот... Он даже читать не умеет.

- Так и я не умею, - обиделся Чёрный. - Так ты хочешь сказать, что я безграмотный?

- Отвяжись! - устало сказал я, - Заткнись, зараза! И без тебя тошно.

И Чёрный заткнулся.

...Когда каратели закрыли двери сарая, никто ещё ничего плохого не думал, но когда потянуло дымом и занялась соломенная крыша, людей охватил страх, парализующий тело, разум и волю. Над деревней повис вопль.

Я пробрался в угол сарая и через лаз, прорытый то ли лисами, то ли мальчишками, выбрался наружу. Я давно знал этот лаз. До войны я через него воровал колхозный овёс. Я побежал, пригибаясь, чтобы не заметило оцепление, огородами к лесу. Уже вломившись в кусты на опушке и в кровь расцарапав лицо, я вдруг вспомнил, что все мои остались в том аду. Секунду постояв, я побежал обратно. Сарай дымил. Сырые брёвна занимались медленно.

Я втянул тело в задымленный орущий хаос и сразу наткнулся на невестку Наталью, забившуюся в угол и прижимавшую к себе полузадушенного ребёнка. Я хотел вытянуть её за руку наружу, но она ничего не понимала и отчаянно сопротивлялась. Я попробовал отобрать ребёнка, но понял, что бороться с обезумевшей невесткой не в силах. Она, визжа, прокусила мне руку до кости.

По центру крыши начали рушиться стропила и я понял: Поздно. Сердце, ёкнув, стало проваливаться вниз.

Я вылез из подкопа и спокойно пошёл к опушке прямо на пулемёты оцепления, путаясь ногами в картофельной ботве. И вдруг вспомнил, что волосы у внучат пахли мышами. Похоже, что меня заметили. Поднялась хаотичная стрельба. Почему никто не мог попасть в меня, так обречённо и настойчиво бредшего к лесу? Зачем я нёс с собой украденное в сарае ведро с зерном?

Пулемётчик срезал меня на самой опушке леса, когда спасительные кусты снова плеснули в лицо запах коры и листьев.

Когда мой отец приехал с фронта на побывку после тяжёлого ранения, в соседней деревне мужики, помянув стаканом самогона невинно убиенных, отдали отцу оплавленный нательный крест жены...

- Слушайте, парни! Может прекратим это издевательство раз и навсегда! Ну, что мне до судьбы моего деда?

Я уже орал на моих спутников не стесняясь:

- Я же не могу бесконечно умирать чужой смертью и мучиться за чужие проступки!

- Хорошо, хорошо! - утешил тот, что в чёрном, - сейчас привезём тебя, сейчас... Там хорошо...

И тут я увидел... Нет не увидел - ощутил, что коридор, по которому меня везут, заканчивается входом в туннель. Нет! Даже не туннель - в некую воронку, стены которой светились и медленно вращались. Из туннеля этого или воронки текли тепло и неведомая музыка. Нет! Не свет с музыкой - покой и любовь. И тянуло туда безудержно.

Я уже прикрыл глаза в блаженстве, как возникло лицо... Впрочем, какое лицо у кота? Морда верного Кузи. Морда эта сказала:

- Смотри, хозяин, внимательно смотри... Только я не говорил тебе ничего...

Я тут же понял, что этот туннель и есть смерть, есть растворение меня в блаженном и распад.

- Не хочу! - твёрдо и определённо заявил я и мысленно упёрся в края туннеля.

- Ну, как хочешь, парень. Наше дело предложить, - сказал Чёрный...

...Опять бесконечные коридоры... Мне стало это надоедать.

- Чем они хотят меня напугать? - думал я, раздражаясь. - Если я умер, то мне нечего бояться, если нет - то это всего лишь бред.

В это время меня вкатили в помещение, похожее цех мясокомбината. На конвейерных крюках висели полуразделанные людские трупы. Я, разозлившись, показал им фигу, вспомнил своего Кузю и трижды сплюнул:

- Кузя! Тьфу, тьфу, тьфу! Всё моментально исчезло. Нет, не исчезло, а превратилось в душную ковыльную степь...

... Нас было двадцать воинов в отряде. Четверо суток мы были в бешеной скачке. Горячий полынный ветер степи выдубливал лицо. Когда мы делали краткие остановки, чтобы накормить лошадей, над биваком висел запах потных тел и кислой овчины. Мы не разжигали костров. Мы жевали вяленую конину на скаку, запивая её кумысом и так же на скаку мочились с коня.

К вечеру пятого дня на холме показались крыши, покрытые ковылём. Деревенька была огорожена тыном и вполне могла считаться городком. Мы решили дожидаться утра. А уж рано поутру неизбежная кара падёт на голову того, кто предал Хана.

Мы стерегли бивак по очереди и, как только светлая полоска показалась на восточном небе, были в сёдлах. Впрочем, не все. Большая часть отряда ночью обошла деревеньку. Их остроконечные шапки замаячат над ковыльным морем, как только мы оттянем на себя дружину. С воем и гиканьем мы ворвались в деревеньку, изрубив в лапшу двух крестьян, стоявших в дозоре. Нам удалось поджечь несколько крайних хат. Поднялась дружина. Пора было уходить. Мы выкатились в степь, и за нами человек десять погони. На виду деревни мы, рассыпавшись, взяли их в кольцо и перебили, стреляя из луков на скаку. В деревне поднимался и креп женский вой. Значит, ворвались наши. Мы повернули коней.

Горели хаты. Толпа металась по единственной улице. Всадники волками скакали вокруг, выхватывая свои жертвы. Внутри этого стада было опасно - могли растоптать. Я схватил за распущенные волосы девку в одной рубахе и поскакал в огороды. Девка волочилась по земле и, когда я спешился, от ужаса и боли уже не могла кричать. Я рвал на куски это нежное мясо, воняющее потом и страхом, когда кто-то ударил меня по голове. Я ещё успел обернуться и посмотреть в глаза этому русому гиганту.

Из левого плеча у него торчали две обломанных стрелы. И он уже снова занёс свой топор надомной...

- Улитка, улитка! Высунь рога. Дам кусок пирога, - попросил я виноградную улитку, которую снял с влажной ещё утренней ветки жимолости.

Улитка должна бы давно привыкнуть и к этим назойливым просьбам высунуть рога, к тому, что обманут и пирога, конечно, не дадут да и к тому, в конце концов, что улитки не едят пирогов. Должна бы привыкнуть, да не привыкла. Поэтому улитка начала вытекать из своей раковины янтарного цвета. А когда вытекла на треть, то приподняла переднюю часть этого вытекшего и образовала из него не только рожки, но и глаза бусинками на тонких стебельках. Закончив все эти приготовления, улитка сказала:

- Ну, показал рога. Дальше что?

Я не знал, что улитки умеют говорить, поэтому молчал. Меня учили только тому, что улитки - это сельскохозяйственные вредители и что французы вместо того, чтобы опрыскивать этих тварей специальной жидкостью, называют их деликатесами и лопают почём зря.

- Дальше что? - спросила неугомонная улитка и повела рожками из стороны в сторону. - Ну? Язык проглотил?

- С языком всё в порядке, - ответил я. - Просто, я не знал, что улитки разговаривать умеют.

- Ну, вот! - огорчилась улитка, - А ещё царь природы.

- А ты откуда знаешь, что царь?

- Да трепались недавно тут двое... - неопределённо ответила улитка и потребовала, - Всё. Рога посмотрел? Тогда посади меня, где взял. И без тебя тошно. Тут мы с ребятами вчера посидели немного... Давай, сажай! Кина не будет! Кинщик заболел.

Я посадил эту разговорчивую улитку на перекрученный проволочный стебель жимолости и пошёл к магазину. Мы с ребятами вчера тоже хорошо посидели.

...От Кутузовского городка, где стояла наша часть, до штаба Армии нужно было добираться почти через весь Калининград, и когда начальству надоело нас возить по нескольку раз на день, они выдали нам постоянные пропуска в город. В штабе работали на картах Пьянов, Злотин и я. Конечно, в первый же выходной мы поспешили использовать полученные блага полностью и поехали в баню. Не в ту, куда нас водили строем раз в неделю, а в дальнюю, где, по слухам, был необыкновенный пар.

Ехать надо было с пересадкой. Выйдя из трамвая в центре, мы зашли в пивную и выпили по хорошей кружке пива со снетками. Когда добрались до бани, там была уже приличная очередь. Рядом с баней, похожей на большой сарай, лежали развалины. Мы с Сашкой Пьяновым поставили Мишку в очередь и вышли покурить. Я спросил деда, который сосредоточенно курил у входа, что здесь было раньше. Он сказал, что театр. Мы зашли внутрь развалин. Да, видимо, это был театр.

Лестницы на второй ярус были так плотно усыпаны слежавшимся битым кирпичом, что получились покатые горки. Мы поднялись наверх. Я достал пачку "Элиты", лучших, как тогда считалось, сигарет, и мы закурили. Я думал, что может быть именно в этом театре была премьера Шиллеровских "Разбойников".

- Грамотно бомбили, - вдруг сказал Сашка. - Прицельно. Вокруг все старые дома целы.

Потом помолчал и добавил:

- А может, и случайно. Кто сейчас разберёт?

Мы пошли вниз. Баня была плохая, но пиво в ней было. Мы выпили по кружке и поехали в часть. И успели вовремя. Наши ребята уже умудрились напиться и шли к артиллеристам драться. В тот день пряжкой рассекли Сашке бровь и он лёг в медсанбат...

...Как мне надоели этот лабиринт и эти лифты! Вот и опять меня тянули в неизвестность. Эта неизвестность пугала. Я вспомнил все молитвы, которые знал и начал молиться. Нет! Не помогла даже великая мантра "Харе Кришна"... Я посмотрел на потолок коридора, по которому меня везли. Потолка не было. Было ясное синее небо и там, где должны были стоять облака, реяла икона Владимирской Божьей Матери, именуемая в народе Умилием. У Богоматери было измученное лицо моей жены...

...В тот день наша расчётно-аналитическая станция стала в километре от польской границы. Шли масштабные учения, и без Гвардейской одиннадцатой армии обойтись, видимо, было никак нельзя. Ещё не утихли волнения в Гдыне и Гданьске, когда армия стояла по полной боевой готовности, чтобы войти в Польшу и навести пролетарский порядок. И мы и офицеры устали от бесконечного ожидания и неизвестности.

Пока мы развернули станцию, склеили и подготовили карты для игры, приняли и обработали первую информацию, наступила ночь.

Я устал и не заметил, заснув в палатке, что слишком близко подкатился к чугунке и у меня начали тлеть сапоги.

Нас подняли в середине ночи тревожным шёпотом. Исчез с поста мой земляк Шатилов. Около часу мы, матерясь, искали его. Потом двое ребят сходили через границу в польскую деревню. Шатилова не было. Майор построил нас и выдал патроны. Только водители машин и радисты имели автоматы. У остальных были пистолеты Макарова. Как любил шутить наш майор, чтобы застрелиться в боевой обстановке. Мы растянулись цепью и стали прочёсывать лес. Если бы в лесу находился противник, то мы с нашими фонариками были бы живой мишенью. Идти по лесу было не то чтобы неприятно. Идти было страшно. Лейтенант, идущий слева от меня, остановился и шёпотом матерно выругался:

- Смотри, за пнём лежит!

Я тоже посветил. У пня ничком лежал человек. Мы медленно подошли, ожидая самого худшего. Но Шатилов был вполне жив, только крепко пьян. Он рассказывал, что ночью к нему подошла девица с польской стороны и принесла самогону. Потом они пошли в стожок. А когда мы начали поиски, Шатилов испугался и спрятался в лесу.

Когда мы приехали в казарму, парни присудили Шатилову по пять ударов ложкой. Завернули ложку в полотенце. Шатилов безропотно лёг на койку вниз лицом, обнажив зад. Его худой мальчишеский зад был покрыт лиловыми прыщами. От его покорности мне стало нехорошо и я не смог ударить...

- Парни, ну что вы всё время армию показываете? Служил я и служил. И ничего особенного не происходило, - снова возбуж я. - Ну, надоело в конце концов!

- Армия - это школа жизни, - гордо провещал Чёрный, а Белый добавил:

- Потому что там учат убивать...

... Мой эскорт расстегнул мои ремни и один из них сказал:

- Погуляй пока.

Я встал на ноги. Дверь захлопнулась и исчезла.

Я был именно в нём, в этом городе. Он начинал мне сниться обычно за несколько недель до затяжной бессонницы. Для меня этот город был таким же реальным, как любой другой на земле. Вот и сейчас я шёл по узкой улочке, которая вела к морю, и знал, что если на следующем перекрёстке повернуть налево, будет кафе с хорошим кондиционированием и крепким кофе. Я сел на открытой террасе, заказал чёрный кофе и воду. Закурил, лениво рассматривая редких прохожих. Со стороны моря не спеша шёл человек в солдатской военной форме. Я узнал его. Это был мой отец. Мы обнялись и он сел за столик. Я заказал по одному дринку за встречу. Мы выпили.

- Папа, куда я попал? - спросил я, - Я ведь не умер ещё?

- Конечно нет. Поэтому меня и послали успокоить тебя. Ты так сопротивляешься, что искажаешь пространство. Они решили, что меня ты бояться не будешь.

Я не боялся его, но что-то лежало между нами.

- Ты временно находишься в фантомном пространстве. Все твои эмоции, желания, фантазии, идеи живут здесь.

- А эти очереди за моей печёнкой?

- Сопротивление пространства. Фантомы постепенно стираются и необходима регенерация. Сами они не умеют. Нужна энергия.

- Фантомы... Пространство.. А ты откуда это знаешь?

- А я и не знаю.

- Но всё же говоришь.

- А это не я говорю, - сказал папа. И мы помолчали.

- Ты тоже живёшь здесь? - спросил я.

- Нет. Я далеко. Хотя, далеко - это понятие земное. Я обрёл форму только, чтобы встретиться с тобою. Ничего не бойся. Всё, что ты увидишь - это и есть ты.

Отец стал растворяться и некоторое время спустя у столика остались лишь тяжёлые солдатские сапоги.

Я вспомнил как занимался спортом. Для того, чтобы прыгнуть в длину, например, мне нужно было увидеть мысленно весь прыжок и поверить в него...

... Я стою у двери, обитой коричневым дерматином. На двери щеголевато поблёскивают медными головками декоративные гвозди. Шикарная дверь одним словом. Осталось только вспомнить куда эта дверь. И нажать кнопку звонка.

- Давай, давай, пионер! Входи. Садись. Водки выпей. Димку только что за новой бутылкой послали, - Это встречает Сергеич. Димкин батя.

Я оглядываюсь на ходу. Сажусь за стол. Это великолепный стол. Дубовый. Во всю комнату. Когдаходишь, сразу видишь, что стол в этом доме главный. Всё остальное лишь аксессуары стола. Обычно на этом столе лежат рыхлой стопкой листы с рисунками, картоны с подмалёвками, стоят кисти в деревянной кринке - немудрёная и таинственная атрибутика мастерской. На всё это приятно и немного жутко смотреть. Так смотришь на блеск инструментария в кабинете зубного врача.

И сразу становится понятно, что именно здесь творится некое таинство, именно здесь материализуется идея.

- Хорошо это... ты... ваще... про идею загнул, - восхищается Чёрный. - Душевно..

- Он и не такое загнуть может, - поддерживает разговор Белый. - Он прошлый раз такое загнул, что повторить невозможно - язык не поворачивается и морда краснеет.

Потом Чёрный вынул из правого кармана гранёный стаканчик и демонстративно громко поставил стаканчик этот на стол.

Сергеич демонстративно громко ставит стограммовик на стол и представляет меня сидящему за столом мужику с грозно насупленными бровями:

- Димкин друг, так сказать, детства.

Мрачный поднимает свой стакашок и хриповато:

- Тогда за молодость!

Сергеич умилённо подхватывает:

- За молодость, за глупость... За ту молодость, что в нас!

И уже наставительно ко мне:

- Ты впечатлился с кем за одним столом сидишь! Академик. Народный художник...

- Не пугай малого, - возражает Мрачный. И поясняет:

- У них же, у нынешних, авторитетов нет. Сами, мол, себе авторитеты. Или ложное что-нибудь...

Тот же Малевич... Докатились с этой молодёжью. Только и слышно:

- Ах, Малевич! Ах Шагал! А Шагал этот рисовать не умел. Ты же помнишь, Сергеич? Ведь не умел он рисовать?

- Ясный хрен, что не умел, - поддерживает Сергеич Мрачного. И ко мне с учительской интонацией:

- Мы в Витебске в одной школе учились. Это чтоб у тебя глупых вопросов не возникало. У Пэна учились.

- Как же! - Вмешивается Мрачный, - знает он Пэна. Он Матисса - мазилку знает. А Пэна... А ведь какой художник был!

- Да! - подхватывает Сергеич и опять больше ко мне, чем к собеседнику:

- Портрет лошади написал - каждый волосок прописан. Каждый! Английская королева купила прямо на Парижской выставке.

И уже к Мрачному извинительно:

- Да откуда они могут Пэна знать? Присобачили ярлык - натуралист. И всё. Под запретом до сих пор.

Сергеич поднялся и разлил остатки. Потом двинул тост:

- За Учителя!

- За Учителя! - согласился Мрачный и поднял свой стаканчик.

Я тоже собрался присоединиться, да тут как раз вломился Димка, ругаясь на ходу:

- Вот попал, мать перемать! Завезли креплёное, так очередь - с ума сойти. Хорошо знакомый попался.

Так и не помню теперь - выпил я за Учителя, или нет.

...Мы ехали в небольшой посёлок возле литовской границы. Нас вёз председатель Общества еврейской культуры. Мы должны были посмотреть насколько возможна реставрация памятника евреям, расстрелянным в тех краях.

Сначала мы заехали в Литву и в ближайшем посёлке купили литовских конфет и водки.

Мы долго искали памятник. На карте он был сразу за еврейским кладбищем. Но кладбища мы тоже найти не могли. Потом прохожий, с подозрением рассматривая нас, махнул рукой в сторону леса. В этих краях не любили говорить по-русски.

Лесок, на который махнул рукой мужичок, и оказался кладбищем. Территория его быстро заросла ольхой и осиной и совершенно слилась с соседним лесом. Кладбище потрясало не тем, что заросло деревьями, оно потрясало тем, что все, абсолютно все, памятники накренились вперёд и стояли ровно под углом семьдесят пять градусов. Как будто здесь всё время дул невидимый ветер. А они шли и шли против ветра, наклонив свои массивные тела. Памятник, который мы искали, фактически не подлежал реставрации. Он был сделан из плохого бетона...

...К моему столику под села дама и, заискивающе заглядывая в глаза, спросила:

- Мешать не буду?

Я узнал её. Это была балерина, забравшая мою ногу.

- Можно я буду девушкой твоей мечты? - попросила она, - представь меня молодой и красивой.

Я возмутился:

- Сначала забираешь ногу, потом делай тебя девушкой мечты. А что будет потом?

- Что ты за ногу переживаешь? Ты ведь умеешь регенерироваться. Я же знаю... Ну не жадничай, представь. А я за это буду тебе сниться, когда захочешь.

Я не стал жадничать и представил её придурковато-инфантильной героиней картин Буше.

Балерина неожиданно молодо засмеялась и убежала, зазывно оглядываясь на бегу. Она так ни разу и не приснилась мне. Обманула или заплутала в чужих снах?..

...Мне стало легко и радостно. Я понял, что этот мир зависит от меня так же, как и я от него...

- Да, понял. Будет сделано! - проговорил Белый в мобильный телефон.

Потом аккуратно завернул аппарат в платочек и положил в карман халата...

- Ну, в общем так... - обратился он ко мне, - тут у нас ошибочка вышла. Ты должен понять и войти в положение, так сказать... И на старуху бывает проруха. Словом, будем возвращать тебя обратно. Только вначале нужно подписать контракт. Дескать, как только найдём поступок, так сразу...

И тут же на стену спроецировалось изображение документа с грозной надписью "Контракт".

Вот тут-то я и начал материться...

...Я не раздумывая подписал договор, по которому брал на себя обязательство качественно и в оговоренные сроки написать сценарий, поставить и провести праздничный вечер в популярном колхозе-миллионере.

Колхоз имел лишние деньги и собирался отметить юбилей своего основания по-человечески, то есть идеологически нагруженной пьянкой.

У меня не было денег, но я был популярным организатором таких пьянок. Конечно, соответствующий контроль надо мной был необходим. И контроль этот был установлен.

Сначала я думал, что, как обычно, спокойно сниму бабки, а не тут-то было. Первая же репетиция, которую я планировал отвести на звук и свет, повергла меня в ужас. В этом сельском клубе не было ни света ни звука. Председатель колхоза потребовал, чтобы моей партнёршей была представитель колхоза - толстая баба, как по-латышски, так и по-русски говорившая с акцентом.

Я не стал расстраиваться и решил "забить" на всё. Если клиент хочет красиво, мы ему эту красоту устроим.

Это был первый колхоз в Латгалии, и райком тщательно контролировал процесс. Продуктовую программу осуществлял районный ОБХСС, поэтому столы ломились от деликатесов. Праздник

начался вовремя. И всё шло так, как и должно было идти на солидном застолье: тосты, поздравления, подарки, душещипательные рассказы о передовиках производства, песни и танцы. В антракте ко мне подошёл второй секретарь райкома:

- Послушай. Мне подсказали, что в зале находится первый уполномоченный. Человек, под руководством которого и возник колхоз. Мы должны правильно отреагировать и дать ему слово.
- На сценарии стоит ваша виза, - порадовал я районного идеолога. - Я прямо сейчас сделаю вставку, а вы напишите, что согласны.

- Ну, зачем такие формальности? - сказал польщённый секретарь.

Но я настоял на своём. Когда народ уселся за столики, выпил и притих, я представил бывшего уполномоченного.

Коренастый дедок с невидящими глазами выхватил у меня микрофон и понёс:

- Вы все решили, что я покойник, - неожиданно начал он, - А я всех вас переживу и всё помню. Вот тут говорили какой хороший работник Кондрат Иванов. А ты забыл, Кондрат, как плакал, когда заявление о вступлении в колхоз писал? Я обещал тебе тогда, контра, что своей рукой застрелю, если не подпишешь. И застрелил бы, потому что все вы, сволочи, были против родной Советской власти.

И вот в таком духе о всех героях вечера. Начальство делало "лицо", крутило головой, но остановить деда было невозможно.

Дождавшись, когда у докладчика пересох рот и он, на секунду замолчав, потянулся к стакану, я провозгласил очередной тост. Зал взревел. Выпили и дружно забыли о выступающем. Забыли все, кроме тех, кому этот коренастый дедок испортил жизнь...

... На этот раз зазвонил телефон у Чёрного. Мы находились в комнате, напоминающей кабинет следователя: стол, два стула с коричневыми клеёнчатыми сиденьями, сейф, выкрашенный серой краской, облупившейся по углам. Только на месте портрета Дзержинского висела моя фотография. Наверное, я слишком уж уставился на своё изображение, потому что слышался голос Белого:

- Это традиция такая у нас. Новый фигурант - новый портрет.

Я отвёл глаза в сторону. Белый сидел на подоконнике и лужгал семечки. Хромовые сапоги его ритмично раскачивались под подоконником и изображали беззаботность.

Я помолчал немного и спросил:

- А почему, позвольте спросить, установилась такая традиция?

Чёрный оторвался на секунду от заполнения форменного бланка и резонно ответил:

- Потому что.

- Ага... - сказал я глубокомысленно.

Чёрный всё ещё писал, когда Белый начал разъяснительную беседу. Он так и сказал:

- Ну что ж. Начнём разъяснительную беседу.

После чего сплюнул лужгу от семечек на пол и вытер морду рукавом.

- Значит так. Пока коллега оформляет подписку о выходе, мы посмотрим, чем там на воле мы будем заниматься...

И я увидел себя, сидящим за компьютером.

- Тут, извините, снова ошибочка вышла, - несмело вякнул я. - Никогда у меня компьютера не было. И, вообще, я не умею с ним обращаться.

- Вот уж, что правда, то правда, - сказал компьютер и больно укусил меня "мышью" за руку.

- Это, брат, дело-то наживное, - сказал Чёрный и протянул мне бумажку. - Вот пропуск на выход.

Подпись начальника на нём сама появится. Когда надо будет. Но сначала немного осмысления и освобождения.

Я недоумённо поднял глаза на Белого. Тот снова занимался своими семечками, однако, снизошёл:

- Ты же в православии крещён, а, значит, воспринимаешь себя, как раба...

...Ко мне подошла маленькая китайка.

- Учитель хочет видеть тебя, - сказала она и сделала нечто похожее на реверанс. - Иди за мной.

- Далеко пойдём? - спросил я.

- Нет. В Китай, - ответила она.

- Далековато... - засомневался я.

- Возьми меня за руку и произнеси "Ом" - ты сам знаешь как.

Я сказал мантру. Через мгновение мы стояли на вершине горы.

- Учитель, как обычно, прилетит на огнедышащих драконах, - сообщила моя дама.

Я напрягся. Я ожидал грома, молний и чудовищ. Но появился сухонький старичок, который стоял на большой тарелке. В тарелку были впряжены два варана с небольшими крылышками.

Мне стало весело.

Я покопался в памяти и решил, что это даос. Между тем даос, или как там его, подошёл ко мне и положил на мою голову сухонькую лапку.

- Ему будет очень трудно после операции, - обратился даос к своей ученице. - У него большие лёгкие.

С этим можно было только согласиться. Меня много лет мучил астматический бронхит. Вот и сейчас подкатывал очередной приступ.

Даос произнёс энергичное заклинание. Я начал кашлять. И вдруг я увидел как из моего рта высунулась лягушачья серая лапа. Кашляя, я вытащил изо рта огромную жабу. Серую с чёрными пятнами. Дышать стало легко и приятно.

- Посмотри сюда, - даос показал рукой на склон горы, где стояли в ряд десять женщин в чёрных одеждах. - Одна из них - причина твоей болезни. Накажи любую. Это в твоей власти сейчас.

Я попытался по фигурам угадать кто есть кто, но у меня ничего не вышло.

- Я не могу так. Я не хочу карать невиновного.

- Он слишком мягкосердечен, - разочарованно сказал даос китайке. - Хотя, это может быть и неплохо. Слушай, человек, - это уже ко мне. - Я сделаю тебя свободным, но ты должен ещё раз придумать нас.

- Свободным от чего? - спросил я.

- От всего, кроме обычных табу.

Даос погладил меня по шее и к моим ногам, глухо звякнув, упал медный ободок.

- Я снял с тебя ошейник раба.

Даос протянул свою руку ко мне. Указательный палец его был раскалён и светился красным. Он коснулся моего правого плеча в том месте, где у меня была родинка. Это было очень больно, но я терпел.

- Сейчас я удалил твой микрочип. Теперь ты вышел из под их контроля, - довольно сказал даос.

Далее он вынул из моей груди маленькую самодельную куклу, набитую душистой травой и снял привязанные к левой руке чётки из белой бумаги, так похожие на староверскую лестовку. Я недоумевал. Прожил жизнь и не знал, что на мне столько всякого барахла навешано.

- Теперь ты свободен, - торжественно произнёс отшельник. - Иди, но помни, что самые большие грехи страх и уныние...Иди.

- Я не умею перемещаться в пространстве.

- Потом поймёшь, что не надо перемещаться, а надо вобрать пространство в себя. Тогда исчезают время и скорость. Не заботься об этом сейчас...

- Так ты не читал Гантенбайна? Ну, старик, ты даёшь! Как можно это не читать? Там же настоящий экзистенциализм! Там полный атас! - так говорил Валерик, то отходя от мольберта и прищуриваясь, то подбегая к уже порядочно измазюканому картону, и нанося несколько штрихов.

- Ты, может, и Апполинера не читал?

Я отрицательно покрутил головой. Мне было неловко и потому что я не читал Апполинера, и потому что я не знал, что такое экзистенциализм.

Я тоже сидел у мольберта, пытаюсь на нём "поставить" женскую головку в нужном ракурсе. У меня ничего не получалось, и от этого тоже было крайне неловко. А не получалось по очень банальной причине: я был влюблён в натурщицу. Таня, провинциальная актриса-инженер, конечно же догадывалась о моей влюблённости. Догадывалась тем особым женским чутьём, которое безошибочно выделяет из мужского стада тех, кто тебя хочет. Догадывалась, но великодушно не подавала виду.

- Нет, старик, не читал. Да и где я возьму? В нашей библиотеке один Горький да Новиков-Прибой.

- Сейчас Санька читает. Сегодня должен принести. Я тогда и тебе дам. Это же невозможная вещь, старик! - И Валерик смачно пошлёпал своими негритянскими губами, давая понять, что вещь действительно офигенная.

- Перекур! - объявил он, глянув на часы! У него с Таней был такой уговор: час она позирует - пятнадцать минут отдых.

Таня с показным удовольствием, несколько кокетничая, встала со стула, подошла к столу, заваленному картонами и ватманскими листами, нашла пепельницу и закурила.

- А я, мальчики, Евтушенко люблю. Ну что может быть лучше? - "А снег повалится, повалится и, как в воронку, втянет в грех"...

- Всё это - вторсырьё! - горячился Валерик. Он всё время делал вид, что темперамент у него ого-го!

- "Я вспоминаю лэ для королев, и гимн рабов, бросаемых муренам", - вот где настоящее!

- А ты что любишь? - спросила она у меня внезапно.

- А я, что попроще люблю.

Неловкости, целый день накладывающиеся друг на друга, стали превращаться в агрессивность.

- Вот например: "К тебе, Тамара, мой порыв назрел и лопнул, как нарыв".

- А что? - это я увидел недоумение на морде Валерика, который тоже вздыхал по Таньке. - Что? Апполинера читать можно, а Хармса нельзя?

- Всё читать можно, старик, - Валерик ощущал себя победителем. - Всё можно, но про себя.

- Так они про меня не пишут! - шутливо возмутился я и вопрос был снят.

Вопрос был снят, но Таня вдруг вспомнила о неотложном и начала собираться.

Тогда я неожиданно для себя прочитал:

- "Ты, что бабочкой чёрной и белой, не по-нашему дико и смело, и в моё залетела жильё, не колдуй надо мною, не делай горше горького сердце моё. Чернота, окрылённая светом, та же чёрная верность обетам и платок, ниспадающий с плеч. А ещё в трепетании этом тот же яд и нерусская речь."

Валерик сделал вид, что потрясён - он выкатывал глаза и крутил головой:

- Старик! Что это? Почему не знаю? - он, как Чапаев, в своём незнании обычно винил окружающих.

- Тарковский, - сказал я. И мне опять стало неловко. Не за Тарковского, а за себя. - Недавно совсем книжечка попалась.

- Ну, старик! - одобрил Валерик, - Ну, ты даёшь. Принеси почитать.

- Не принесу, - сказал я. - Ты потеряешь, или пропьёшь.

Повисла пауза. Нехорошая такая пауза повисла.

- Ну, мальчики, я пошла, - нарушила Танька тишину. - Провожать меня не надо. Я сама доберусь. Провожать её - это было немыслимо! Кому-то нужно было оставаться, а оставаться никто не хотел.

Танька хлопнула дверью. И тут же - дверной звонок.

- Забыла что-то? - проворчал Валерик и пошёл открывать.

В комнату ввалился долговязый Санёк, чуть- чуть хмельной, но более весёлый, чем хмельной!

- П-п-привет, стариканы! - радостно забормотал Санёк, вынимая из карманов две бутылки креплёного вина и водружая это вино на стол.

- А я-то всё думаю себе, с кем бы потреться по душам. А они в-в-вот где запрятались?

Напряжённости и неудобства в комнате как не бывало. Весело уселись, весело налили. Санёк поднял стакан и весело сказал :

- За искусство в нас!

Выпили по глотку и Санёк начал читать свои новые стихи. Он так и рубанул:

- А вот мои новые стихи.

Он был хороший парень, Санёк. Плохо было только, что он писал стихи. Если бы только писал, с этим ещё можно было бы мириться, он их ещё и читал всем, кого удавалось застать врасплох.

Вдобавок ко всему Санёк, когда читал свои стихи, начинал волноваться. А когда он волновался, то заикался. Вот и сейчас он начал заикаться с первого же слова:

М-мне приснилось, что ты - копейка.

П-п-потёртая. Медная.

А мне говорили п-п-пропей её!

Не последняя.

Я упирался сначала -

Что вы!

Ведь копейка особая.

А мне говорили -

Жлоб ты!

Чай, в чулке-то бумажки сотенные.

С-с-слово за слово.

Штоф на столике.

П-п-пей, соколики,

Чтобы засветло!

Вот проснулся, закутан в шубейку.

Говорят, что знобило зело.

Мне п-п-риснилось, что ты - копейка,

А копейка-то я на деле.

После этого приличия требовали похвалить автора. И я и Валерик изобразили полное восхищение :

- Ну, ты, старина, выдал!

- Шедевр!

- Правда? Спросил довольный Санёк и снова налил.

- Честное пионерское! - проорал Валерик некстати. - Почти, как у Маяковского: "Дайте мне женщину! Синюю, синюю! И на ней проведу я белую линию!"

- Ну, нет, старик! Это ты не понял! - немного обиделся Саня. - Во первых, это не Маяковский, а во вторых, послушай ещё это:

Дождь
Вспенивал лужи,
Хлестал по лицу злыми каплями,
Кажется,
Влезал в души
И там потихоньку капал...

Санёк читал стихи, а я думал: "Чего этим стихам не хватает? Кажется, всё на месте, а нет очень важного".

- Я понял - они просто не живут. Они не могут ожить, - это я уже вслух.

- Этому больше не наливать! - шутливо распорядился Валерик. А Санёк хотел было обидеться, да передумал:

- Это что там у тебя должно ожить?

- Не у меня, а у тебя, - пояснил я. Вот, вспомнилось:

"Эмалевый крестик в петлице и серой тужурки сукно... Какие печальные лица и как это было давно".

... потом.. там, там, там... забыл... да! Вспомнил! - "Какие прекрасные лица и как безнадежно бледны - наследник, императрица, четыре великих княжны"...

Валерик восхитился:

- Ты смотри, сколько он наизусть знает! Так и чешет!

Тут Санёк спохватился, что инициатива уходит из рук и воскликнул несколько с пафосом, но от души:

- Старики! Давай выпьем за то, чтобы стать тем, кем мы себя назвали.

- Художник, - и он картинно показал рукой на Валерика.

- Поэт, - Санёк церемонно склонил голову.

- И ... А ты кто? - спросил Санёк у меня.

Я задумался и сказал откровенно:

- А я и сам не знаю кто. Но вместе с вами выпью.

И мы выпили.

Но так уж в жизни карта легла, что стал Художник лет через пятнадцать законченным алкоголиком, Поэт - воровским авторитетом, а я до сих пор не знаю, кто я такой.

Кто я? Где я? Зачем я? Я беззащитен и уязвим! И мне страшно! Так страшно, что трудно дышать. Я меняю кожу. Я становлюсь другим. И мне страшно подумать, что всё, что было, повторится вновь. Я жду, я жажду конца, понимая, что конец этот - всего лишь начало.

...Рано или поздно всё хорошее кончается. Вот и мы дожили до времени, когда кончилась выпивка и деньги. Мы - это военные сборы офицеров запаса в количестве пятнадцати мужиков с похмельным синдромом на мордах.

Сразу, как только мы установили полное отсутствие денег, - и когда только успели пропить! - стало ясно, что нужно начинать новую и светлую жизнь.

Наша часть стояла в местечке Суйжи. Возле Яунциемса. Если уточнить, то это под Ригой.

Погода стояла редкостная для Латвии. Эту редкостную погоду, - ни одного дождя, - никто не замечал целых две недели, а сегодня все сразу заметили.

- Вы как хотите, - сказал очень худой и длинный пожарник из Вентспилса с редкой латышской фамилией Ивановс, - но я ничего делать не буду. Я буду загорать и купаться.

И к нему присоединилось человек семь. Остальные, и я в том числе, пошли на берег озера на мостки покурить на природе. И там заметили лодку. Выяснилось, что это лодка завскладом прапорщика Коли, который был заядлым браконьером и вором.

Я велел ребятам ждать и пошёл в городок за вёслами. Коля пил с прапором из чужой части. Они сидели на балконе в сапогах и майках и закусывали щучьей икрой.

- Вот, попробуй, как я её делаю, - сказал Коля, одновременно наливая гранёный и протягивая столовую ложку с икрой.

Я подумал о том, как жарко на улице сегодня. Мне стало на секунду дурно, но я взял себя в руки и похвалил икру.

Покурили. Потом я выслушал Колино хвастовство на тему какой он хозяйственный.

Вёсла стояли тут же на балконе. Я взял их и пошёл к лодке, уверив хозяина, что не утону.

Мы гребли по очереди и рассуждали о том, как хорошо нам сегодня, когда прекратилась эта пьянка.

Через пару часов мы нашли поставленную, видимо, прапором Колей, мерёжу. Огромную морскую мерёжу в которой уже лежало десять мерных линей килограмма по полтора каждый. Мы переставили мерёжу в другое место и пошли в часть. Жизнь начинала наполняться смыслом. В части мы пошли на кухню. Мы чистили рыбу, когда пришёл начальник сборов.

- Рыбу поймали. Хорошую, - сказал он.

Он был на редкость разговорчивым человеком этот подполковник. Мы ему дали рыбы, а он принёс две бутылки Акдама, напрягся и двинул речь:

- Рыба посуху не ходит.

На утро мы проверили мерёжу и вынули снова десяток прекрасных линей. Тут народ стал думать, что делать с этой рыбой дальше. Не есть же её каждый день. Капитан Володька, юрист Рижского рыбного порта, сказал, что поскольку он гений, хотя никто это не видит и не ценит, то он берётся найти сбыт этой продукции. Он собрал рыбу в чемодан и уехал в Яунциемс. Он вернулся обратно довольный, как поросёнок в луже, и выставил на стол в палатке батарею бутылок.

Это называется бартер, - сообщил он. - Один линь равняется одной бутылке креплёного.

Наш бизнес стал процветать. Дважды в день наши офицеры по жребью ездили в магазин и в палатке дважды в день накрывался стол.

В тот день жребий вынули я и лейтенант Ивановс. Оказалось, что его звали Андрис. Мы взяли чемодан и отправились в путь. До Яунциемса нас подбросил частник. В магазине всё тоже было нормально, если не считать того, что девочки не стали брать огромного леща, который затесался своим серебром в золото линей. Выбросить нам его было жалко. Завотделом посоветовала пройти в дачный посёлок и продать леща дачникам.

Перед посёлком мы присели в рожице и, глядя как вороны ловят белок на соснах, выпили одну бутылку для храбрости.

Посёлок состоял из крепких, красивых домов. Чувствовалось, что здесь живут состоятельные люди. Мы заходили во все дома по очереди, но нигде у нас леща не покупали. Наконец попался очень красивый домик с великолепными розами на участке. Я сказал Андрису:

- Ты лучше говоришь по-латышски - ты и пойдёшь. Только давай сперва осмотримся: здесь может быть собака.

- Какая собака? - возразил лейтенант, - она бы все розы потоптала.

Он вошёл в калитку и свернул за дом, но уже через несколько секунд бежал обратно, безжалостно топча сапогами розы. За ним нёсся огромный дог. Я никогда в жизни не видел, чтобы человек так быстро бегал. Он обогнал дога настолько, что успел закрыть за собой калитку и выругаться. Дог стоял, опираясь передними лапами на забор, и ругался по-своему. Мы выбросили леща в канаву и на автобусе поехали в часть...

... Я снова, не то на бойне, не то в пыточной камере. Огромный полуголый мужик, в клеёнчатом переднике спрашивает:

- Ты чей ?

- Что значит чей? - не понял я.

- Чей раб, спрашиваю? - снизошёл до объяснений мужичина.

Я подумал, вспомнил даоса и ответил, что я свободный человек. Мужик что-то отмечает в своей тетрадке и интересуется:

- Но какому-то богу ты молился?

- Конечно. Я - православный.

Мужик радостно ржёт:

- Иди, посмотри на своего бога.

Открывается дверь и я вижу подвешенного за ребро на крюк Иисуса, с которого рабочий неспешно сдирает кожу.

- Да - это мой Бог. И мне не надо другого! - прокричал я, потрясённый увиденным.

Снова пошёл лифт и я очутился на весенней поляне...

... На следующий день после приезда к тётушке я пошёл в лес. Этот лес начинался под Витебском и, говорят, упирался в уральские горы. Грибов обычно было - косой коси. Взрослые, измученные летней страдой, в лес не ходили, а дети боялись заходить далеко. Я взял корзину, хлеб с салом и прошлогодний посошок, покрытый зарубками - память об убитых змеях.

Дождей давно не было и грибы попадались сплошь червивые. Я вышел к огромной бомбовой воронке. Она была до краёв наполнена водой, на дне из синей глины было видно как бурлили ключи. Я напился ледяной воды и сел на пенёк покурить. Сидел я почти не двигаясь и лес постепенно привык ко мне.

И в меня вошла душа леса. Я услышал, как он дышит, как медленно, с натугой думает, как чувствует. К ручейку, вытекающему из рывины, подошёл деловой енот, что-то вымыл передними лапками и исчез в папоротниках.

Я сидел и думал о том времени, когда здесь жили лешие...

- Вот у меня был один знакомый леший... - начал было Белый. Но Чёрный его перебил:

- Есть идея! - И морда у него довольно засияла. - Клиент это, похоже, сможет. Ты попробуй. Ты попридумывай. Ты посочиняй чё-нить, - это он уже ко мне. - Вот хотя бы про Лешего сочини. Ты же говорил, что умеешь.

- Хорошо, - согласился я. И добавил. - Как же вы мне надоели!

Игорёк Григорьев был нежить. Он был пятым у лешачихи Клавки.

Она давно решила, что пора детям в люди выходить. А то в лесу становилось всё хуже и хуже.

Рядом стояла воинская часть и вечно взрывали, стреляли, пилили. Ни сна, ни роздыху - одна головная боль. Вот и стала Клавка выжидать. Да, к слову сказать, ждать долго не пришлось.

Офицерские жёнки сдерживать себя не любят. Вот у одной малыш в луже перепачкался.

Мамаша и стала его костерить. Такой да сякой! И всё матом да матом. А потом возьми да скажи:

"Чтоб тебя леший взял!" Тут Клавка ждать не стала. Подменила младенца на своего да так быстро, что только пыль закрубилась.

Игорёк рос мальчиком серьёзным - бука букой. Любви родительской не ждал да и им не до того было. Дружил только с домовятами Мишаней и Никешей. Они встречались обычно под кроватью, где домовята мурлыкали свои бесконечные сказки, а Игорёк искал блох в их густой шерсти.

Подросток Игорёк - пошёл в школу. Там старался всю - что не понимал, то вызубривал. Память у него была звериная. Ребята его сторонились, потому что был он очень мрачен - бревно бревном. Да Игорёк и сам в товарищи не набивался. Была у него другая страсть. Летом, как грибы пойдут, брал он лукошко - и в лес. Там он ложился под лапами раскидистой ели, из ствола выходила мама - лещачиха, кормила малиной, ласкала да жаловалась, что люди скоро совсем житья не дадут. Домой он приходил к вечеру с полным лукошком отборных боровиков.

Шло время. Отца Игорька перевели служить поближе к городу. Игорёк пошёл учиться на лесничего. Да не судьба была, видно, любимым делом заняться. По комсомольской путёвке попал он в войска НКВД. Начал этапы гонять. Небольшого роста, коренастый, он не умел поворачивать голову, а поворачивался всем телом и внушал заключённым ужас одним своим оловянным взглядом, в котором не было ничего человеческого.

Перед войной получил Игорь, уже лейтенант, назначение в один из Соловецких лагерей. Там он и встретил свою судьбу - пышногрудую молодку Матрёну, которая служила в санчасти. Игорёк на ухаживания время тратить не стал. Просто подошёл, сдал грудь и прохрипел: "Приходи вечером. Всё равно моей будешь." И столько в этой фразе было силы и убедительности, что Матрёна пришла. Они поженились не потому, что была любовь, а потому, что Игорь терпеть не мог аморальных отношений.

Незаметно для них закончилась война. Потом умер Отец и оставил сиротами безутешный народ. Лагеря стали расформировывать и супругов Григорьевых демобилизовали. Они уехали в маленький тихий городишко, где их никто не знал, и стали потихоньку обустроиваться. Сам старший лейтенант запаса Григорьев устроился во вневедомственную охрану. Был начальником охраны завода, но вскоре попытался внедрить рационализаторское предложение, суть которого изложил красивым почерком на сорока пяти листах и выслал в соответствующие органы. Он предлагал резко повысить производительность труда простыми и ясными административными мерами. Вокруг каждого предприятия нужно было выстроить хорошие заборы, поставить охрану. Рабочих надлежало привозить на предприятие сроком на полгода. Затем, на полгода отправлять домой, а на завод - очередную партию. "И ещё очень важно, - писал Григорьев, - запретить бабам рожать, потому что от детей одно беспокойство, шалости, крики и угроза государственности". Рожать бабы могли только по специальному разрешению, как поощрение за ударный труд, но детей следовало сразу отбирать и правильно воспитывать в специальных учреждениях.

...Эту свою теорию изложил мне сам Григорьев в доверительной беседе. Так случилось, что мы лежали в одной палате в противотуберкулёзном диспансере. Я с воспалением лёгких, а Григорьев для восстановления здоровья. Он приходил в диспансер, как в санаторий, раз в году вместе с женой. И персонал так боялся этого гладкого, ухоженного старичка, что мимо нашей палаты ходили на цыпочках. Что-то было в нём неуловимое, заставлявшее людей вздрагивать и отводить глаза при встрече...

Органы, однако, неправильно оценили его труд и отправили Игорька на психиатрическую экспертизу. Там, узнав, что у него была черепно-мозговая травма, долго думать не стали, а дали вторую группу инвалидности, как инвалиду войны.

Так вот и стали доживать свой век Игорь да Матрёна. Детей у них не было, да это и понятно: нежить не может иметь детей с человеком.

Всё бы было хорошо, но тянуло Игорька на родину в тот лес под Вологдой, где старая ель так широко раскинула свои лапы. Собирались, собирались они с женой и поехали. От военного

городка, в котором вырос Игорёк, остались одни руины. Игорь оставил Матрёну кашеварить у костерка, а сам рванулся в лес.

Нет. Не нашёл он старой ели. Нашёл только поваленное бурей полусгнившее дерево да корягу-выворотень. И такая боль родилась в груди офицера запаса Григорьева, что сел он прямо в мох, обнял старую корягу, и завыл по-волчьи. Уже начало смеркаться, а он всё сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, покрываясь корой и мхом.

И всё ходила его верная боевая подруга Матрёна по опушке и аукала. И лесное эхо откликалось ей вздохами.

- Жалостная история! - Белый смахнул невидимую слезу.

- А я не люблю такие, - Чёрный был мрачен. - И сочинителей таких не люблю. Слышь, ты! Ты давай по другому эту историю придумай. Чтобы почеловечней, повнушительней. Ты вот, к примеру, про нас придумай. А мы тебе... Сам понимаешь... Без блата в наше время...

- А пошёл ты... - сказал я просто.

... Да! Совсем заболтался. Отвлёкся. Так о чём это я говорил?.. Вспомнил! О поляне. Очутился, дескать...

...На краю поляны протекал ручей и сгрудилось несколько берёз. Поляна поросла клевером и кашкой. Стояли маленькие группки ромашек и колокольчиков.

Я, по русской привычке любоваться цветами, когда они у тебя в руке, потянулся к ромашкам. Ан не тут-то было! Мне рвать цветы было нечем. Руки были вроде на месте, а вот схватить я ими ничего не мог. Предметы проскальзывали сквозь них. Я посмотрел на свои следы - я не приминал травы.

Я подошёл к ручью. Возле самых берёз был небольшой омуток.

Я наклонился к воде, ожидая увидеть своё отражение в этом зыбком зеркале. Но из воды смотрел не я. В воде крутился водоворот лиц знакомых и незнакомых, мужских и женских, молодых и старых. Осталось решить - это происходит в ручье с моим отражением, либо так трансформируется моё лицо? Я отошёл от берега и постарался успокоиться. Вся эта чертовщина, происходившая со мной, мне уже изрядно надоела. Я посмотрел как берёзы раскачиваются под ветерком и меня осенило.

Это мне дали понять, что всё - во мне. И радость и ужас. Все люди, которых я когда либо встретил на своём пути - они тоже во мне. Я - в них, они - во мне. Так же как я во вселенной и вселенная во мне.

Я снова подошёл к омуту. Там не было воды. Вместо воды зиял бездонный провал. Я набрал полную грудь воздуха и шагнул в неизвестное...

- Слушай дружище! - возник Чёрный, - Ты кончай тут сказки Шехерезады рассказывать. Не умеешь про нас - так поступок ищи. А то надоело уже. Тягаемся тут с тобой, как дурень с писаной торбой!

- Не знаю, ребята, не знаю... Мне это тоже надоело.

Я сделал красивую, как говорят актёры, наполненную паузу и попросил:

- Дали бы закурить, что ли?

Чёрный с белым многозначительно переглянулись...

... На набережной было непросто увидеть Дунай. Набережная превратилась в рынок. Там можно было купить всё, чем богаты народные промыслы Венгрии и Западной Украины. На террасах кафе сидели некрасивые девки. Они тоже были выставлены на продажу. Я походил по торговым рядам, купил кожаную сумку в подарок жене и, довольный своим коммерческим даром, присел за столик небольшой пивной. Заказал кружку пива и стал любоваться противоположным берегом Дуная. Там, на скалистом берегу стоял причудливый замок венгерских королей. Замок был удачно подсвечен цветными прожекторами и казался ненастоящим.

Я думал о том, что, когда я начал ходить, мама с мудрёными заклинаниями водила по полу между моими ножками столовым ножом.

- Путы надо перерезать, - поясняла она отцу.

Вот и сейчас я ощущал, что у меня перерезаны путы, распахнуты глаза и развязался язык. Я не просто существовал в этом мире, я видел и слышал его. Это было чудо, похожее на библейские чудеса исцеления.

На Будапешт опустился тёплый вечер. Рынок разошёлся. Только коренастые гуцулки в плюшевых душегрейках упрямо трясли своими скатертями, украшенными вышивкой ришелье. Они были профессионалы и им было наплевать на чудеса...

... Я приоткрыл глаза. Совсем немного, но достаточно, чтобы сообразить, что нахожусь в госпитале. Возле кровати маячили двое в белом. Один сказал:

- Будем стирать из памяти всё. Тяжёлая травма, и амнезия в этом случае будет вполне объяснима.

Я насторожился и посмотрел повнимательнее. У говорившего не было рук. В висевшей в воздухе кисти был зажат прибор похожий на шприц. Я решил сопротивляться до последнего. Один из них приподнял мне веко правого глаза, а второй поднёс приборчик поближе. Снова тонкий голубой луч проникает в меня. Я представил, что я пустая колба. Просто лабораторная колба. Все моё существо ушло на это представление.

- У него ничего лишнего не осталось в памяти. Только то, что понадобится для работы, - услышал я голос.

Из последних сил я открыл глаза. Эти двое уже растаяли в воздухе. Только голубая хирургическая шапочка долго порхала возле двери...

И тут же возле меня - снова один в белом. Я приподнял правую руку и показал этому в белом средний палец.

- Очнулся, Гудзини? - услышал я.

- Время от времени он приходит в себя, - это голос моей жены. - А почему Гудзини?

- Персонал окрестил, - засмеялся тот, что в белом. - Как ни привяжут, он все равно развязывался.

Никто не может понять, как. С параличом левой части тела. Великий Гудзини такого не мог.

Я присмотрелся. Рядом со мной стоял обычный врач. С обычным стетоскопом на шее. Китаец, а может, японец. Я хотел извиниться за показанный средний палец, но сумел только прохрипеть невнятное.

- Он говорил в бреду? - спросил этот доктор у моей жены.

- Да, - ответила она. - Что-то невнятное про Китай, про некоего Даоса.

- Потрясающе, - сказал врач.

... Постояв у родительских могил, я зашёл в церковь Александра Невского, построенную в начале века городскими купцами-выкрестами. Служба уже закончилась и в церкви было пусто. Негромко потрескивали горящие свечи. Из алтарной части вышел уже в светской одежде батюшка, отец Николай. Мы обнялись и сделали вид, что троекратно расцеловались. От

батюшки пахло перегаром. Я отдал ему лежащий в сумке подарок храму - напрестольное Евангелие. Добротное издание начала века. Старик обрадовался, как ребёнок. Приговаривая, что храму без Евангелия никак нельзя, он всё листал и листал тяжеленный фолиант. Потом он провёл меня в алтарь. Одна из икон оказалась дверцей в маленький шкафчик. В этом своеобразном сейфе стояла початая бутылка водки и стакан покрытый, как на поминках, кусочком хлеба. Я наотрез отказался пить и батюшка сам выпил гранёный, рассуждая, что на радостях не выпить грех, и что такая уж жизнь поповья - не пить, так со смеху помрёшь...

...Я очнулся и понял, что жив. Для меня это было главное. Хотя, в тот момент я просто не знал, что главное. Рядом со мной сидела моя жена. Я начал рассказывать ей обо всём, что со мной было. Я говорил и говорил, пока были силы.

Я ещё не разделял бред и реальность и торопился высказать всё, что было со мной. Потом я устал и снова провалился в небытие...

- Вот интересно, - спросил я у Белого, - это то что было, или то что будет?

- Не знаю, - задумался Белый. - Скорей всего - это то, что не может быть.

...Берег моря. Пустой и каменистый. На холмах лежит полуразрушенный не то замок, не то монастырь. Я брожу вдоль стен из дикого камня и вижу на них отпечатки эмоций. Мне никогда ещё не приходилось разглядывать эмоции. Они не имеют формы и цвета. Я просто знаю, что вот это любовь, это ненависть, это - дружба. Хотя их гамма намного сложнее и не имеет названия. Если положить руку на какой-нибудь из них, испытаешь те же чувства. Я вдруг подумал о том, сколько стен я испачкал собой, и мне стало нехорошо...

...Красивое это было утро! С хайвея поверх крыш было видно, как наливались светом и цветом перистые облака на востоке. И от понимания того, что сегодняшняя копейка будет полита немалым потом, у меня сладко томилось тело.

Я снова видел себя со стороны. Сбоку и немного сверху.

Я ехал в старом траке "International", в кабину которого было впрессовано три человека, не считая водителя. Теснота никого не смущала. Главное, что зашла работа и на эту работу Босс взял именно их. Босс, кстати сказать, ехал вместе с рабочими. Он и пахал обычно на равных со всеми. За рулём сидел Усатый. Бывший вор и алкоголик вкалывал, как папа Карло, регулярно посылая деньги и барахлишко семье в Ленинград. Усатый имел "одну, но пламенную страсть" - он покупал электронику. Он точно знал, чем разнятся аппараты разных фирм, и брал, разумеется, лучшие. Правда, пару раз в году он напивался до истерики, а потом в ярости крушил молотком и выбрасывал из окна свою коллекцию. Запой заканчивался, и Усатый снова усердно трудился и снова покупал драгоценные аппараты.

В ногах на полу устроился мальчонка из Одессы, которого взяли с биржи. Он совсем недавно приехал и всё ему было в диковинку. Володя, так звали мальчика, говорил не переставая. Впрочем никто его не слушал - каждый думал о своём.

Я, например, размышлял, где добрать пойнты, чтобы получить американские права. Тогда можно было бы сесть за баранку в такси или на кар сервис уйти в крайнем случае. Можно, конечно, и без прав обойтись. Вон, Усатый ездит - и ничего. Когда останавливает Усатого дорожная полиция, он предъявляет свой военный билет, объясняя, что это и есть советские международные права, и что с такими правами он может хоть на танке ездить. Шутка про танк

обычно нравится полицейским. И морда у Усатого настолько обаятельная и честная - и не хочешь поверить, а поверишь.

Клиента сегодня брали в Бронксе. Радостный такой коротышка - мексикоза. Как не радоваться - дом купил. Значит сбылась Великая американская мечта. Я решил, что когда куплю дом, тоже зарадуюсь. А пока радоваться нечему. Пока пахать надо.

Босс повёл клиента подписывать контракт, и можно было перекурить. Подошёл Усатый:

- Вот попали, блин горелый! Пива тут не найдёшь, как ни ищи.

- Что? Хреново? - спросил я у Усатого не без злорадства, потому что сам себе позволить выпивку не мог.

- Угу, - согласился Усатый. - Весь в пупырышках, как майский огурец, - и смачно плюнул под трак.

Я посмотрел вслед плевку. Под траком сидела лягушка. Чёрная с ярко-оранжевыми глазами и золотой спинкой.

- Ну, ты даёшь! - возмутился Усатый. - Вечно какое-нибудь паскудство найдёшь! Ну, сейчас мы ей покажем!

Усатый прыгнул в трак и дал задний ход. В лицо мне брызнуло прохладным.

Выбежал довольный Босс и сказал обычно:

- Ну что, евреи, упрёмся?

И мы упёрлись.

Затрещали разворачиваемые коробки, зашуршала бумага, завизжал тейп. Вот что умел босс, так продемонстрировать клиенту класс работы. Молча, быстро, умело.

Мексикоза стоял в уголке, рот приоткрыв от восхищения. Так смотрят дети в цирке на манипуляции фокусника. Я крутил коробки и думал, что этот спэниш попал сегодня по-настоящему. Каждая коробка стоила на первый взгляд не такие уж страшные деньги. Но в куче соберётся, наверное, на штуки полторы. И у меня возникло предчувствие скандала. Это предчувствие, возникнув, не исчезало, а наоборот крепло с каждым часом.

Не исчезло это поганое предчувствие и тогда, когда загрузили трак, и тогда, когда ехали в апстейт по открыточно-красивой горной дороге, и тогда, когда начали разгружаться. Это предчувствие оформилось и стало явью, когда Босс, закрыв трак на замок, пошёл к клиенту со счётом. Такой уж порядок был у Босса - если клиент отказывался платить, его барахлишко отправлялось на склад до полного расчёта. Почему-то не все были довольны этим порядком. Не понравилось это и мексиканцу, который с воплем:

- Я вам, так перетак, покажу сейчас две тысячи! - выскочил из дома с "Магнумом" в руках. На руках у него висли верещавшие женщины. Мексикоза сделал два круга вокруг дома, запыхался и стал звонить. Минут через десять подъехала целая команда. Боссу показали мачете и посоветовали не трепыхаться. Мексикоза подошёл к нам:

- Вы не волнуйтесь парни, - сказал он довольно. - Я понимаю, что это ваша работа. Но поймите и меня.

И мы не стали волноваться. Мы не волновались, когда спэниши сбивали замок с трака. Мы не волновались, когда те же спэниши разгружали трак.

Не волновались, только покуривали.

Я тоже воспринял скандал спокойно, - не такое ещё бывало, - но на душе всё же было противно. Уже поздним вечером, когда я ехал в автобусе в свою конуру, успокоился. Меня босс пригласил завтра на работу. Значит ценит. А потом я вспомнил чёрную лягушку с золотой спинкой и мне опять стало противно. Может, ядовитая какая.

- Я по жизни оптимист, - вякнул Чёрный и налил себе стаканчик. Он с Белым сидели за столом, как люди. На столе стояла недопитая бутылка и лежала немудрёная закуска.

- Так вот, - Чёрный налил себе стаканчик, чокнулся с Белым и продолжил:
- И, как оптимист, я требую изменения той гадости, что ты рассказал.
- Да уж... - поддержал Белый собутыльника, - хотелось бы уж... как-нибудь... А то... просто блин горелый...
- Хорошо, ребята. Я подумаю, - сказал я чтобы отвязаться.
- А ты не думай. Чё тут думать? - Чёрный назидательно покачал вилкой с наколотым ломтиком колбасы, - Мыслитель нашёлся. Ты возьми да перескажи по другому. Чтобы настроение... И ваще...
- Ладно, - согласился я.

- Вот попали, блин горелый! Пива тут не найдёшь, как ни ищи.
- Что? Хреново? - спросил я у Усатого не без злорадства, потому что сам себе позволить выпивку не мог.
- Угу, - согласился Усатый. - Весь в пупырышках, как майский огурец, - и смачно плюнул под трак.

Я посмотрел вслед плевку. Под траком сидела лягушка. Чёрная с ярко-оранжевыми глазами и золотым листком на спинке. Я поднял лягушку и отнёс в кусты.

- Не вылазь, дурашка. Затопчут, - посоветовал я лягушке и вернулся к траку.
- Ну, ты даёшь! - возмутился Усатый, - Может, на ней зараза какая-нибудь!
- Зараза к заразе... - сказал я и оборвал сам себя. Такой пошлой показалась мне эта народная мудрость.

Выбежал довольный Босс и сказал обычно:

- Ну что, евреи, упрёмся?

И мы упёрлись.

Затрещали разворачиваемые коробки, зашуршала бумага, завизжал тейп. Вот что умел босс, так демонстрировать клиенту класс работы. Молча, быстро, умело.

Мексикоза стоял в уголке, рот приоткрыв от восхищения. Так смотрят дети в цирке на манипуляции фокусника. Я крутил коробки и думал, что этот спэниш попал сегодня по-настоящему. Каждая коробка стоила на первый взгляд не такие уж страшные деньги. Но в куче соберётся, наверное, на штуки полторы. И у меня возникло предчувствие скандала. Это предчувствие, возникнув, не исчезало, а наоборот, крепло с каждым часом.

Не исчезло это поганое предчувствие и тогда, когда загрузили трак, и тогда, когда ехали в апстейт по открыточно-красивой горной дороге, и тогда, когда начали разгружаться. Это предчувствие оформилось и стало явью, когда Босс, закрыв трак на замок, пошёл к клиенту со счётом. Такой уж порядок был у босса - если клиент отказывался платить, его барахлишко отправлялось на склад до полного расчёта. Почему-то не все были довольны этим порядком. Не понравилось это и мексиканцу, который с воплем :

- Я вам, так перетак, покажу сейчас две тысячи! - выскочил из дома с "Магнумом" в руках. На руках у него висли верещавшие женщины. Мексикоза сделал два круга вокруг дома, запыхался и стал звонить в полицию.

Я воспринял скандал спокойно, - не такое ещё бывало, - но на душе всё же было противно.

Полиция приехала быстро и красиво. Пять машин заблокировали пути отхода. Копы, выскочив, спрятались за машинами и начали целиться неведомо куда. Чёрный сержант долго морщил лоб, читая контракты, а потом объяснил спэнишу, что нарушений не видит, а в частный бизнес вмешиваться не имеет права. Полицейские снялись так же красиво, как и приехали.

Мексикоза тем временем начал звонить диспетчерам, требуя Босса. Босс стоял рядом с бумагами в руках и сочувственно слушал, как диспетчеры объясняют, что Босс вчера буквально уехал во Флориду, и что рабочие ничем помочь не могут - они выполняют инструкции. Дело закончилось тем, чем и должно было закончиться. Расстроенный клиент заплатил.

Когда уже поздним вечером я ехал в автобусе в свою конуру, на душе уже было спокойно и радостно. Мне Босс отслонил на двадцатку больше, чем положено. Значит ценит. А потом я вспомнил чёрную лягушку с золотой спинкой и мне стало ещё радостней.

- Вот это лучше. Честное слово, лучше, - одобрил Чёрный.

- Конечно лучше, - поддержал Белый. - Только... Это... Я не понял, блин... А дальше что же было?..

- А дальше ничего не было, - объяснил я. - Дальше я из автобуса вышел. И всё.

...В нише этой стены оказалась лавочка. Я бродил по старой Варшаве и случайно наткнулся на эту лавчонку. Там играла странная музыка, под потолком висел муляж огромной летучей мыши, а в глубине красовалось чучело крокодила.

- Чем торгуешь? - спросил я у молодого парня в кипе.

Парень так быстро затрепал на польском, что я успел разобрать лишь несколько слов. Тогда он повторил медленно и раздельно:

- Ка-бба-ла. Каббала.

Я купил себе серебряный кулон с замысловатыми знаками и повесил на шею. Через пару дней я, вернувшись домой, показал жене своё приобретение. И кулон и цепочка почернели и производили впечатление мрачное. Почему я не выбросил его тогда? Сколько я ни искал потом в Варшаве эту лавчонку, она как сквозь землю провалилась. А в крепостной стене просто не было таких больших ниш...

...С детства у меня была уверенность, что я уже был в этом жёстком мире. И все мои попытки утвердиться здесь - всего лишь мучительные попытки вспомнить. Как вспомнить себя?

У меня хорошая память. Я помню себя с пелёнок. И, сколько помню, я очень плохо принимал правила игры. Ориентация в трёхмерном пространстве, добро и зло, линейная перспектива. Я-то знал, что просто не могу вспомнить как надо втискивать самого себя в общепринятые формы и нормы. Но похоже, знал только я.

Мне говорили:

- Ты должен хорошо учиться и хорошо себя вести, тогда ты будешь начальником. Иначе ты будешь пастухом. Но я подозревал, что предмет становится тем, чем его назовут. Назови пастуха начальник, он им и будет, назови начальника...ещё какой пастух получится.

Человек говорил сам себе:

- Вот теперь я слесарь, или учитель, или офицер. И тем самым ставил себя в ценностные рамки этого профессионального круга.

Он стал профессионалом. Он умер как человек, ибо его свобода, его воля подавлены, угнетены. Он сам выстроил себе тюрьму и сам себя заключил в неё. Он ест то, что ест стая, он видит то, что видит стая, он даже любит так, как принято в его стае...

...Я вышел покурить на балкончик. Сверху хорошо виден весь периметр зоны. Я курю на балконе клуба спец ГПТУ, если попросту - колонии для несовершеннолетних преступников. Я руковожу здесь драматическим кружком. Мне очень тяжело и работать и наблюдать, как оттягиваются на своих подопечных мои коллеги.

Я возвращаюсь в комнату для занятий. Ребята сидят вокруг Саши Синюхина. Саша отбыл свой срок. Он бы давно освободился, да училище не смогло найти его родителей. Завтра Саша уедет в Ригу в мореходку. Он мечтательно рассказывает ребятам, как будет ходить коком на судне и

как наестся досыта. Мальчишки слушают его и не слушают. Они мечтают каждый о своём. Чистые, прекрасные, открытые глаза. На каком повороте судьбы их вышвырнуло из стаи?..

...Я шел по вечеряющей улице городка, в котором родился, и которому были отданы мои силы. Город этот никогда не понимал и не принимал меня. Его жители, которых я так любил, равнодушно вытолкнули меня на чужбину, как только я устал и ослаб. Меня догнала симпатичная блондинка. Она держала за руку мальчика лет трёх-четырёх.

- Привет, - сказала она и обратилась к малышу. - Поздоровайся с папой.

Я на всякий случай посмотрел по сторонам. На улице не было мужчин, кроме меня. Я вопрошающе уставился на блондинку.

- Ну, что смотришь? - спросила она. - Настрогают ребятишек - и в кусты.

В это время малыш сказал басом:

- Здравствуй, папа.

Я посмотрел на него. У мальчика было усталое и морщинистое лицо старика...

...Малый репетиционный зал расположен на пятом этаже под самой крышей театра. Сегодня ведёт репетицию Николай Васильевич. Он маленького роста с огромным носом и подвижными актёрскими губами. Руки его постоянно дрожат. В своё время он получил срок за то, что мечтал сыграть Ленина. Под страшным секретом он показывал мне свои фотографии в гриме и костюме. Рассматривая эти фото, я думал, что посадили за дело: большей карикатуры на вождя мирового пролетариата мне видеть не приходилось.

Я голоден и от этого, или от того, что сцена не удаётся, и повторяем мы её бесчисленное количество раз, возникает ощущение нереальности происходящего и сладкой невесомости в теле.

Мы репетируем "Платона Кречета", где я должен сыграть Бублика, толстенького, милого и хитренького старого врача. Как раз хитрость у меня и не получается. Я всегда врал из любви к искусству и, насколько помню, чем невероятнее было враньё, тем больше в него верили. Наконец наш старик устаёт мне объяснять, что хороший человек может быть хитрым и делает перерыв.

В труппе было достаточно возрастных актёров. Почему Бублика играл я, мальчишка 15 лет? Может быть было во мне что-то?..

- Нет! Я больше не хочу! Я больше не могу! Снова началась бешенная круговерть по коридорам. Я же очнулся уже. Операция закончена. Я хочу обратно в свой надёжный привычный физический мир! Не надо мне показывать мою жизнь и мои проступки - я это видел уже! Сколько раз, умирая, я окунался в эту круговерть? Что-что, а посмотреть смерти в лицо мне удавалось!

...Мне тут же предоставили такую возможность. Я увидел себя сверху, и только потом, через несколько секунд вошёл в себя.

Интересно, вошёл в себя или пришёл в себя?

Я сидел за накрытым столом. Напротив – отец. Мама хлопотала у горячей плиты. Отец налил по стопочке и сказал:

- Ну, за встречу, сынок. Ты ведь у нас первый раз.

Мы выпили, закусили. Я обратил внимание на зверюшку, трущуюся, как кот, у ног. Нечто лохматенькое, похожее не то на собачонку, не то на поросёнка, а, скорее, на броненосца с

поросычей мордочкой, суетилось под столом. Оно бегало на задних лапках, держа в передних платочек, которым старалось закрыть мордочку.

- Кто это? - спросил я

- Это? Это твоя смерть, сынок, - просто ответил отец. - Ишь, стесняется, рыло кутает

- Странно. Я думал, что она другая.

- Это уж какая к кому придёт. Тут не угадаешь, - ответил отец.

...Всё! Отработал! Пошёл занавес. Я вышел несколько раз на поклон и, торопясь, пошёл в курилку. Вокруг целовался народ. Говорят - традиция.

Я плевал на традиции. Я смертельно хотел сесть в кресло, вытянуть ноги с горящими ступнями и спокойно выкурить сигарету. Похоже, я честно отпахал свой гонорар. Мимо, стуча копытами, то и дело пробегали театральные дамы. Каждая считала своим долгом напомнить, что сейчас будет банкет.

Длинный стол в общей гримёрке был обсижен со всех сторон. Я не сумел сесть к столу и, забрав несколько бутербродов и стакан, пристроился в уголке на ящике с костюмами. Народ старательно пил. Все были немного возбуждены и каждый рассказывал, как много лично он сделал, чтобы этот спектакль получился. А я вспоминал, что каждый, сидящий здесь, сделал всё, что мог, чтобы угробить затею.

Они были профессионалы, а я залётный дилетант в поисках пары сотен...

.... Нет! Я больше не могу! - закричал Чёрный, - он водит нас за нос! Сказано было - ищи поступок. А он? Что он тут творит? Что вытворяет? Не-е-т! Я увольняюсь по собственному желанию!

- Ты остынь, дружище, остынь, - приобнял Белый Чёрного за плечи. И начал капать в рюмку из пузырька...

...Я был убеждён, что красивее лягушки нет существа на свете. Сколько мне было лет тогда - это не важно. Боюсь, что осознание себя у меня не менялось и не изменится уже. Я смотрю на свои старые фотографии и понимаю, что это не я. Как я выгляжу? Кто меня знает.

Этот день был особенно удачен. Я наловил лягушек целое ведро. Время от времени я запускал руку под крышку и хватал лягушку за пузо. Лапы у неё растопыривались в разные стороны, но это не мешало мне любоваться. Ни у кого я больше не встречал таких красивых глаз. Но охота охотой, а о животных нужно было позаботиться. Возле хаты на лавке стоял ряд ведёрных чугушков. В один из них я и поместил свою добычу. Долил воды и накрошил хлеба. Целый день я то и дело подбегал к чугушку и любовался на свой террариум.

Утром я проснулся от криков бабки Тимошихи. Она кляла последними словами кого-то. Я догадался, что меня, вылез через окно в палисад и залёг между гряд. Оказалось, что Тимошиха сердится несильно. А ругается только для порядку. Утром, как обычно, она всыпала картошки в чугунок и поставила в печь. Однако, когда она вынула варево из печи и подняла крышку, то увидела, что картошка превратилась в белопузых лягушек.

Я оплакивал своих подружек до позднего вечера. Я же хотел, чтобы им было лучше.

Сколько раз потом я вспоминал их! Мне ведь пришлось узнать на собственной шкуре, что это такое, когда тебе делают лучше...

- Слушай, друг! - Спросил Чёрный, - Ты мне вот что объясни. Ты мне объясни, что такое калейдоскоп?

- А это хорошая такая игрушка была. И устроена просто. В картонную трубку вставлены три зеркальных полоски. Спереди в трубке глазок, в который смотреть надо. Если не смотреть в глазок, а просто на калейдоскоп, ничего интересного. А когда смотришь именно туда, куда надо, то всякие необычные узоры складываются. Это потому что позади калейдоскопа есть коробочка за стёклышком. А в этой коробочке всякое такое... Цветные бусины, осколки стёклышек. Из них-то и возникают картинки. И можно аккуратненько эту коробочку раскрыть, казённые стёклышки выбросить, и наполнить всем, что в голову придёт. Тогда ещё интереснее.

- Класс! - сказал Белый. - А ты нам эту штуку покажешь?

- Не знаю, брат, - задумался я. - Не знаю. Я уже давно таких хороших вещей в продаже не видел.

- Прячут от народа! - возмутился Чёрный, - Как, блин, что получше, так для себя прячут!

- Ну, это вряд ли... - засомневался я.

А потом добавил:

- Интересно, что нужно в эту коробочку положить, чтобы получилось моё лицо?..

...А сейчас я боец истребительного батальона. И только что вернулся домой. После операции по уничтожению банды Учителя. Неделю мотались по лесам - и ничего. Этот чёртов Учитель, как сквозь землю провалился.

Арестовали для отчёта несколько предполагаемых приспешников - и всё.

В подворотне меня остановил фотограф Маркин.

- Слышали? Ночью Ласкиных взяли! - прошептал Маркин. - Что это будет, Вы не скажете?

Маркин стоял на костылях, прислонившись спиной к углу дома. Ногу он потерял ещё в первую мировую.

- А ничего не будет, - ответил я и поправил винтовку на плече. - Будет всё, как положено.

Маркин разочарованно покачал головой и ушёл в своё ателье с самодельной вывеской: "На нашем фото ваша любовь будет лучше новой".

А я поднимался по лестнице, радуясь, что поем горячего.

Пока жена суежилась и накрывала стол, я недовольно рассматривал племянницу Вальку, которая лежала на кровати, как на своей.

- Ишь, сучка, нагуляла пузо! - думал я, - Как блядовать, так с дядькой не советовалась, а как рожать, так: "Дядя, помоги".

Валька боялась кричать и во время схваток яростно жевала тряпку.

- Тётя! Может пора? - спросила Валька. Она хотела чтобы всё побыстрее закончилось.

- Придёт пора – почувешь, - сказала Наташка, чтобы отвязаться. А потом к мне, заглядывая в глаза, - Не бросить же её в таком положении? Не чужая ведь.

- Не чужая, - согласился я. Доел щи. Довольно рыгнул и пошёл курить к печке, чтобы дым вытянуло. Я не любил, когда в комнате воняло табачным перегаром.

Вернулась Наташка из кухни с тазом горячей воды. Сказала:

- Ты пошёл бы в подвал да ямку вырыл. Ваську заодно покорми. Я приготовила.

Я, как был в ватных штанах, взял ведро с помоями для кабанчика Васьки и пошёл в подвал. Я зажёл свечку, стоящую на полочке, вылил Васькино варево ему в лоханку и почесал кабанчика.

Васька чавкал и довольно похрюкивал. Я взял лопату и вырыл яму у Васькиной загородки штыка на три глубины. Потом поднялся наверх.

Там уже всё было в порядке. Валька лежала с осунувшимся, но счастливым лицом. Наташка подала мне свёрток:

- Смотри живым не зарывай, а то неприкаянным ходить будет.

Я взял немного попискивающий свёрток и, спускаясь по лестнице в подвал, несколько раз стукнул этим свёртком о стену.

- Ну вот и всё, - сказал я трамбуя землю сапогом. - Ну вот и хорошо. Как положено.

...В четыре часа утра позвонила из роддома медсестра и сообщила, что родилась девочка. Я так испугался, что проснулся от испуга, и долго стоял у телефона с трубкой в руке. Я просто не знал, что нужно делать.

Медсестра, вручая мне пакет, пыталась меня успокоить.

Дома выяснилось, что в пакете, в специальных тряпочках, находится крошечное красенькое существо со старческим личиком и морщинами на лбу.

Меня накрыла и унесла волна нежности к этому беззащитному комочку, венцу нашей любви. Я даже по-другому стал смотреть на мою любимую. Как, почему и за что именно в ней осуществилось это чудо появления на свет, чудо возникновения жизни?

Однажды, когда дочка подросла, но не закрылась ещё от меня, я вдруг понял, что все те знания, которые я так мучительно приобретал и копил, даны ей изначально...

- Ну что? - спросил я у моих мучителей-учителей, - когда же этот поступок? Сил нет уже!

- Терпи, - посочувствовал Белый. - Как только - так сразу...

...Я сижу на длинной скамейке сквера и рассматриваю прохожих. Я стараюсь угадать по лицу, по манере себя держать характер этого человека, его профессию. Я брежу перевоплощением на сцене. Меня просто завораживает этот волшебный процесс - влияние характера на внешность и внешности на характер. Плюс среда и профессия. Я совсем недавно заметил, что кем я себя представляю, тем и становлюсь, то есть люди видят меня именно таким, каким я представил себя. В скверик входили двое моих очень навязчивых друзей. Видеть их было приятно, а вот общаться - не очень. Я представил себя пустым пакетом из-под молока, лежащим на лавке. Зануды прошли мимо. Я закурил и стал думать о своих друзьях: "Они настоящие, или придумали себя?" Я решил, что все придумывают себя, свою роль в жизни, и удача либо неудача зависят во многом от того, как ты себя придумал...

...Так до сих пор и не пойму - кой чёрт занёс меня в общество цветоводов? Общество разместилось в полуподвальном помещении старого дома. От сырости и перепадов температуры покоробились учебные плакаты на стенах. Я посмотрел расценки на приём- сдачу семенных материалов. Они, эти расценки, мне понравились. Килограмм семян игольчатой астры тянул на 360 рублей. Я заплатил вступительные взносы и купил несколько пакетиков семян астры. В автобусе я подсчитал будущие доходы. Получалось красиво. Я знал, что астра высаживается в грунт рассадой. Через несколько дней я сбил ящики для рассады и посеял своё будущее благосостояние. Пока семена всходили, у меня было время и я просмотрел несколько популярных книг по цветоводству. Оказалось, что посеял я неправильно, да ещё саженцы нужно пикировать.

Несмотря на нарушение всех инструкций всходы поднялись дружно. Несколько дней я пикировал их, для чего пришлось сбить кучу новых ящиков. Всё это стало мне надоедать.

Утешала лишь красивая сумма, которую я должен был получить осенью.

Астры подрастали и даже однажды зацвели, во что уже никто не верил. Возле дома раскинулось поле чудес. Но я не мог ни любоваться, ни удивляться чуду. Я ждал осени. Осень пришла настолько дождливая, что все мои семена сгнили.

Так не сбылась мечта. Сейчас я знаю: она не сбылась потому, что вместо того чтобы наслаждаться процессом созидания, я ждал результата...

- А что у него ещё могло получиться? - трагическим тоном начал вопрошать кактус в горшке. - Нет! Я вас спрашиваю - что у него могло ещё получиться?

Он не дождался ответа и ответил сам:

- Ничего хорошего у него получиться не могло. Потому, что относился он к растениям, я вам скажу, не по-человечески. По-свински он к растениям относился. Вот так бы и дал ему колючками по жопе!

Я хотел уже возразить этому наглецу, да вдруг вспомнил, как экспериментировал с огурцами. Впрочем, вспомнил не я. Вспомнил Чёрный с довольным возгласом:

- Ага!..

... Однажды я решил выращивать огурцы по новой системе. То есть, относиться к ним не как к "полезному растению", плоды которого я в результате могу сожрать, а как к вполне разумному существу, с которым надо скооперироваться, чтобы помочь ему продолжить свой вид.

Я взял пачку семян и сказал им:

- Мне очень жаль, но грядут плохие времена. Держитесь, ребята.

После такой умной речи ничего не оставалось как создать плохие времена искусственно.

Я нагрел семена на сковороде, завернул их в тряпочку, и на пару часов засунул в морозильник.

Повторив эту операцию несколько раз, я решил что уж теперь они в плохие времена поверили, и высыпал семена в стакан с водой. Почти все они всплыли, а это значит, что умерли. На дне осталось с десяток самых упорных. Их-то я и посадил в питательные горшочки. А затем уже зацветающей рассадой перенёс в гряду под плёнку.

Я, как придурок, вслух объяснял им при этом, какие они умные, сильные, красивые, и, что я буду очень стараться сделать всё, чтобы они стали ещё лучше. Сажал я их на новолуние, так что оставался пустяк: на полную луну на рассвете нужно было в голом виде на метле объехать семь раз грядку. Зачем это нужно было я не знал, но твёрдо знал, что это нужно.

После этого уже ничего особого не делать, кроме обычного ухода.

Да не забыть, собирая огурцы, продолжать нахваливать растения и просить прощения за то, что собираешь их плоды.

Всё. После этого вы решили, небось, что "крыша" у меня съехала набекрень задолго до моей травмы. Может быть и так. Только результат такой вот "селекции" оказался больше, чем я ожидал. Урожай потрясал соседей. На огурцах почти не было пустоцвета...

- Ну и ну! - сказал Белый, - А мы уже было начали относиться к тебе, как к разумному...

Не знаю, что он этим хотел сказать...

... Сначала я думал, что меня опять связали. Я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Но, когда я постепенно пришёл в себя, сообразил, что парализован. У постели сидела моя жена. В глазах у неё был страх. Я лежал и жевал дурацкую шутку, что из всех способов передвижения мне остался только один - ходить под себя. Я осторожно поднял правую руку и ощупал голову. Сетка швов с правой стороны. Я мобилизовал свою память - увы, я ничего не помнил о том, что со мной произошло, кроме мучительного блуждания в межпространстве. Я посмотрел на жену. Она попробовала улыбнуться.

- Ты сильный, - сказала она. - Ты сильный и ты выживешь.

- Зачем? - спросил я и снова ушёл в никуда...

...В Киеве стояла та самая буйная южная весна, когда зацветают палки забора. Мы, непривычные к таким вёснам, немного очумели от бешеной страсти земли и от дерзости растений. Они занимались любовью прилюдно и плевать им было на всё. От нечего делать я зашёл в музей. Я шаландася по залам, увешанным картинами передвижников, мне было скучно до тошноты и хотелось есть. В коридорчике между залами висело несколько графических листов. Я подошёл - и обомлел. С листа, на котором был изображён белый цветок, бил мощный и ровный энергетический поток. Этот лист завораживал, заколдовывал, не позволял отойти. Там, стоя в тесном коридорчике киевского музея, я понял, что природа искусства не в формальном владении приёмами, не в той или иной школе, но в способности выплеснуть из себя вот такой энергетический луч, светлый и тёплый. Этому нельзя научить. Это либо есть, либо нет. Так же, как талант любви, талант самопожертвования. Я посмотрел на подпись. Этого человека всю его жизнь считали безумным. Он умер в психиатрической лечебнице. Это была "Белая азалия" Михаила Врубеля...

...Очень странное это было место. Утреннее, ещё нежаркое, солнце зацепилось за пальмовые листья да так и осталось в них. Студийными декорациями стояло несколько домов. Да нет. Не домов. Стояли только фронтоны домов. Чем-то они мне были знакомы. Я стал их рассматривать - точно. Это были те дома, которые я в своё время хотел построить. В которых мечтал жить. Я подошёл к одному из них. Рядом был разбит небольшой сад. По краю бассейна цвели ирисы. Среди пылающих цветом рододендронов был сад камней. Это стояли памятники, которые я не успел сделать. У трёх пальм располагалась мебель. Я узнал её. Я вынул книгу из книжного шкафа. Руки начали дрожать, как всегда, когда я брал в руки книгу, за которой долго охотился. Я огляделся. Хотелось посидеть в тени и полистать, понюхать это сокровище. Но я напрасно шарил глазами. Тени не было. Как не было уверенности, что книгу удастся полистать. Более того. Книга неожиданно начала попискивать и ворочаться в моих руках. Потом вспорхнула и улетела обратно в шкаф. Я начал соображать - здесь живёт всё, о чём я мечтал. На полянке стали появляться человеческие фигуры. Огромный кролик вскарабкался на пальму и начал жевать плоды, чавкая и сплёвывая семечки на землю. Я внимательно осмотрелся ещё раз. В этом, привлекательном на первый взгляд, мирке, было невыносимо скучно. - Любая мечта прекрасна до реализации, - сказал я себе и не стал подходить к людям. Люди и при жизни доставляли мне достаточно разочарований...

...Неприбранная общая гримёрка провинциального театра. Массивный резонёр дядя Миша учит меня пить водку. Дядя Миша - местечковая легенда. Он отлично знает, что о нём говорят, гордится этим и придумывает новые и новые миниспектакли, в которых он и автор и постановщик и актёр. Вчера у него был выход во втором акте. Перед антрактом он распахнул, не открыл, а именно распахнул, дверь в женскую гримёрную и густым басом изрёк: - Девочки! Мишеньке бутылочке не будет - Мишенька на сцену не выйдет! Театральные дамы ругались нещадно. Богатый и без того лексикон дяди Миши стал намного богаче. Однако, девочки ругаться ругались, но бутылочку всё же принесли.

Дядя Миша пьёт сегодня по поводу победы над бабьём и учит меня уму-разуму:

- Ты, сынок, пойми главное: театр - говно. Вот вчера, к примеру, Наталья Ивановна...

Посмотришь - интеллигентнейшая дама... А как обругала? Глупиздень! Это же надо! А снаружи посмотреть - ни разу в жизни посрать не сходила!

Дядя Миша вынимает из внутреннего кармана пиджака плоскую фляжку с водкой, аккуратно наливает маленький стаканчик, выпивает, вкусно и оглушительно крикает и начинает жевать лимончик. Мне не предлагает - моё дело знать теорию и выслушивать его бесконечные театральные байки.

- На этом театре всё - говно! Вот, когда я служил в Киеве в театре имени Леси Украинки!..

Сынок! Меня весь Киев в лицо знал! Бывало, выхожу на поклон - зал стоит. Дамы несут букеты!

И в каждом записочка:

- Мишенька! Люблю. Жду тогда-то и там-то. Веришь ли, так истаскался, что, бывало, на сцену выйдешь - ноги дрожат и подгибаются.

Дядя Миша умолкает и на несколько минут уходит жить далеко в прошлое. Туда, где аплодисменты, цветы и трепещущая дамская плоть.

И я ощущаю, что давным-давно он живёт в этом своём прошлом. И выходит в реалии дня сегодняшнего только затем, чтобы выпить рюмочку-другую и не видеть этого проклятого дня...

...И вновь я попытался понять, где я нахожусь. Попробовал пошевелиться - не тут-то было. Я был накрепко привязан к койке. Я уже свыкся с бредовыми ситуациями и оставалось решить - это явь, либо...

Я внимательно осмотрел желтоватый потолок в трещинах и паутиной в углах. Стены выкрашены зелёной масляной краской. Я напрягся, но так и не решил, где я. Больница? Казарма? Дверь скрипнула, но не открылась. Однако, возле меня появился странный человек. Ярко рыжий и косой на оба глаза, он спросил шёпотом:

- Пить хочешь?

- Хочу, - сказал я и провёл языком по шершавым губам.

Рыжий напоил меня из железной эмалированной кружки.

- Спасибо, - сказал я тоже шёпотом. Потом подумал и попросил:

- Развяжи.

- Не могу, - посочувствовал рыжий. - Не я связывал. Придётся потерпеть. Развязывать не велено.

- А что велено?

- Велено показать модель.

Это я в дурдоме, - решил я. - Я слышал, что с психами лучше не спорить и сказал заискивающе:

- Ну раз велено, тогда показывай.

Рыжий щёлкнул пальцами и в воздухе передо мной повис цветной сверкающий многогранник.

Каждая грань его не только светилась своим цветом, но и звучала на определённой ноте. И когда многогранник вращался вокруг собственной оси, складывалась простая, но необыкновенно приятная мелодия.

Я услышал голос рыжего. Он стал говорить с интонациями плохого экскурсовода:

- Весь фокус именно в единстве и гармонии качеств. Тебе понятно?

- Нет, - честно признался я. - Непонятно, но очень красиво.

- Вот это и хорошо. Когда становится понятно, тогда исчезает красота. Ну, я пошёл, доложу, что всё нормально.

- Слушай, парень, а чего эта модель?

Многогранник начал гаснуть и растворяться. Одновременно начала гаснуть и растворяться ощущение гармонии и блаженства.

- Тебе-то что за дело? - огрызнулся рыжий и прошёл сквозь дверь.

Дверь тут же отворилась и чернокожая санитарка невероятных объёмов и прелестей принесла обед. До меня наконец "докатило", что я не связан, а парализован. И пока чёрная Венера кормила меня несолёной маисовой кашей, я рассматривал стены и размышлял о том, почему мне показалось, что они выкрашены масляной краской?..

...Когда я научился видеть? Ведь видеть - это непременно самому стать тем, на что смотришь. О, бесконечно причудливая фантазия стружки! С пьянящим запахом смолы и янтаря (если дерево), и масла и огня (если металл). О, тёплые всхлипывания колющегося камня! О, скипидарная симфония палитры!

Сколько изящества в простейшем, кажется, гвозде. Эстетика шурупа сводит с ума! А вещи, которым мы служим? Нет! Человек косный и ленивый не мог дать жизнь этим созданиям! У каждого своя судьба, своя душа, свой характер.

Если у вас есть лишнее время и бутылочка портвейна, не "Агдама", не "Солнцедара", а настоящего портвейна с его ленивой душой созерцателя, можете поставить научный эксперимент. Поставьте перед собой стакан с портвейном и три стула на выбор из вашей обстановки. Медленно потребляя портвейн всмотритесь внимательно в лица стульев. Понятно теперь?

Только не рассказывайте никому о своих открытиях, иначе вас непременно станут лечить, а это в России нудная и оскорбительная процедура...

...Я только стал засыпать, как проснулся от звона будильника. Я лежал чуть-чуть и только потом сообразил, что будильника возле меня не было да и быть его не могло. И всё-таки я повернулся на левый бок: я совсем недавно научился это делать самостоятельно и потихоньку гордился этим умением. Нет! На столике, стоящем у кровати, между лампой и коробкой с лекарствами стоял будильник. Он был ярко красного цвета с немыслимыми колокольчиками наверху. Пока я соображал спросонок, где я нахожусь, возле моего лица возникло нечто, очень похожее на дрожжевое тесто. Отличалось от теста это нечто тем, что из него проросло множество детских ручек. Даже не детских, а младенческих. И этими нежными лапками оно ощупывало моё лицо.

Всё бы было хорошо, но мне стало страшно. Это был животный страх, граничащий с ужасом. Я закричал: "Кто ты? Кто ты?" В это время маленькая ручка начала шарить у меня во рту, причём вторая, не менее шаловливая, оттягивала нижнюю губу. Я подумал, что сейчас укушу за эти хрупкие пальчики. И тут нахлынула такая нежность к этому Нечто, что я сразу успокоился. И, как только я успокоился, всё исчезло. Сыграл свою последнюю трель красный будильник и тоже исчез. Вместо него стоял стакан с водой. Воду я выпил, поворочался немного и заснул...

Когда утром я попытался найти объяснение тому, что было, я стал в тупик. Это не было галлюцинацией: при галлюцинациях ты не сомневаешься в реальности происходящего. Я же, даже во время испуга, не верил в то, что происходит, пытаюсь понять, сплю я или нет.

Я решил, что это был сон и успокоился.

Нас приучили в жизни находить непонятному разумное объяснение. Потому что при разумных объяснениях спокойней. Человек произошёл от обезьяны - ну так о какой такой совести вы говорите? Совесть - это иллюзия, которую выдумали евреи - так утешал своих сограждан нежить по кличке Гитлер.

Допустив, что мои видения были сном, я не сделал их для себя нереальными. Возникающее во мне иногда убеждение, что моя жизнь мне всего лишь снится, давным-давно сформировало ощущение зыбкости и расплывчатости перехода из реального в нереальное и наоборот. Если кто-то и не согласен, то пусть попробует вспомнить свою жизнь. И если он не жил как дилетант,

не отдавался страстно и свободно увлечениям и приключениям (чего разумный человек, твёрдо стоящий на земле, позволить себе никак не может), то вряд ли он вспомнит что либо, кроме того, что жил не хуже людей и никогда не опаздывал на работу...

- Ну что? Давай прощаться, что ли? - сказал Чёрный.

- Ты, брат, не серчай, если что не так.. Работа у нас такая... - добавил Белый и заколыхался в воздухе.

- Ты только не расслабляйся уж очень, - Чёрный сделал строгое лицо. - Не на век расстаёмся... - и тоже начал таять...

...Кассовый зал на вокзале был переполнен жажущими уехать в Москву. Казалось, вся Украина охвачена страстным желанием и продать "Тым клятым москалям" пару килограммов сырой пайковой колбасы. Судя расписанию, висящему на стене, на Москву уходило каждый божий день не менее двух десятков поездов, но в длинных, тоскливых очередях движения не было. Не было слышно даже обычных вокзальных склок. Оживление чувствовалось лишь возле окошечка с надписью призывающей резервировать билеты заранее.

Ниже была прикрепленная кнопкой бумажка, которая поясняла, что для резервации билета нужен паспорт и командировочное удостоверение. Я стал в небольшую очередь жажущих резервации и сделал озабоченно-ищущий взгляд. Тотчас возле меня возникло два потёрханных типа. Один из них тут же ретировался с обещанием разобраться чей я клиент, а второй косноязычно выразил желание помочь.

Цена на билет была стандартна - двойная. Здесь процветало то арапское и наглое шкуродёрство, которое называли бизнесом.

Во время посадки выяснилось, что проводники, желая получить свою долю со страждущих, сверяют фамилии в паспортах и билетах. Правда, за три доллара делают вид, что все мы люди, и надо помогать друг другу. Очень не хотелось кормить шакалью стаю и я, вынув из кармана фирменный бланк Министерства внешней торговли Украины, сунул его проводнику, объяснив, что резервировал билет курьер. На проводника бланк несуществующего уже министерства подействовал магически. Он не только не стал сверять мой паспорт, но и обещал принести постельное бельё посуше.

Несмотря на обещание, бельё он принёс влажное и подозрительно серого цвета. Двое бойких парней, соседи по купе, пояснили, что бельё не стирают, а увлажняют, чтобы казалось стиранным. Появилось чувство человека, которому сказали, что у него глисты...

...Я думаю только избранным людям на земле знакомо это щемящее чувство безысходности, когда ходишь под себя и, когда чьи-то руки меняют твои демперсы и моют тебе зад. Только избранным. Хотелось бы знать, кому?..

...Казалось, все больные, включая двоих, прикованных к спинке кровати, заключённых, обратили лицо своё к Богу и возжаждали чуда.

Троих креолов по воскресеньям отмаливала целая банда. Интересно, что самый, казалось, безнадёжный, начал потихоньку ходить.

Заступающая на смену медсестра выходила на центр палаты и громко сообщала, что в очередной раз получила послание от Господа. На ней было неимоверное количество золотых украшений, которые тихонько позванивали при ходьбе, как колокольчик на корове. К вечеру появлялась молодая женщина, видимо, прихожанка соседнего храма и, останавливаясь у каждой кровати, читала благодарственную молитву. К ней привыкли, как к мебели. Но атмосфера ожидания чуда от этого не уმაлялась, а наоборот становилась крепче... У меня тоже была мечта. Я мечтал о том, как приеду домой и, - вот чудо! - доползу до унитаза... В один из воскресных дней в центре палаты появился человек. Я дремал и не заметил, как он вошёл. Да и не мудрено. Он странно ходил. Совершенно бесшумно. Мне стало интересно. Его лицо напоминало средневековые христианские скульптуры. Я стал вспоминать, на кого он похож, и в мозгу родились слова: Преподобный Иероним. Кто был этот Иероним и чем заслужил канонизацию, я не знал. Я попробовал было понять, откуда выплыло это имя, да мужичок направился к моей постели. Он был странно одет для Нью-Йорка. Так одевались в пятидесятые годы, наверное.

Он спросил:

- Что случилось?

Я коротко сообщил, что вот, мол, паралич. Ходить не могу, хотя рука немного двигается. Он посмотрел на меня и сказал:

- Ты будешь ходить, я знаю.

Он начал молиться. Он держал свою руку у меня над головой и от руки шёл жар, как от раскалённого утюга.

- Благодарю Отца, - сказал он, закончив молчаливую молитву. - Чтобы ни случилось - всегда благодарю Отца.

"Благодарю Иегемона", - пронеслась во мне Булгаковская фраза. И пока я раздумывал, как лучше ответить на английском, человек исчез бесшумно и бесследно. А я лежал и повторял:

- Господи! За что мне, недостойному, дано испытать из чаши сей!

Хотя, теперь я знал, что ходить буду...

...Как-то после очередной влюблённости в бабочек, которых, за период этой влюблённости, было переловлено неисчислимое количество, я начал мастерить радиоприёмники. Это было не просто гранью чуда - это и было настоящее чудо.

А времена были дикие для любителей. Радиодетали приходилось, как водится на Руси, "доставать". Но это только увеличивало удовольствие от того непонятого, но свершившегося, когда куча железок, которые я спаивал вечерами, вдруг начинала вещать.

Я оставил это дело в покое после того, как, собрав несколько аппаратов, вдруг сообразил, что я ведь так до конца и не понимаю, как это всё работает. Я не понимал, почему несколько проволочек, пусть даже особым образом свёрнутых, и пара кристаллов принимают радиоволны, а я, устроенный несравненно более сложно, не воспринимаю.

Потом, через много лет, встретился мне паренёк, который умел это делать. Парень считал себя радиоприёмником и его от этого заблуждения лечили. Но всё было зря. В определённые часы он замыкался в себе - слушал новости. Что интересно, парень этот принимал только "вражеские" радиостанции типа "Радио Свобода" и "Голос Америки"

Мы с друзьями как-то попробовали его подловить и один из нас в оговоренное время послушал новости "Радио Свобода", а после этого попросил мученика технической мысли рассказать, что он услышал. Результат ошеломил, и после этого я перестал что-либо понимать в радио вообще...

...Под утро подморозило. Лужи затянуло тонким ледком, который потрескивал под ногой. Верхушки прошлогодней травы на опушке леса заиндевели. Было тихо и красиво. Но мы, четверо мужиков в ватниках и сапогах, хватив спросонок по стакану самогона, торопились на тягу. Организатор охоты обещал, что сейчас вальдшнеп идёт косяком, нужно только успевать стрелять. Поскольку на тяге, да и вообще на охоте я был впервые, то каждый считал долгом поучить меня, новичка, уму-разуму.

Наконец, меня поставили на краю болотистой прогалины, поросшей в пояс некошеной осокой и мелкими кустами. Я зарядил ружьё и начал ждать. Было прохладно и по-особому тихо. С номеров моих знакомцев донеслось несколько выстрелов, значит "косяк" пошёл в их сторону. Неожиданно по вершинам сосен понеслось хрюканье. Мелькнула и упала на меня тень огромной птицы. Я вскинул ружьё. Выстрела не было. Я забыл снять оружие с предохранителя. Я сказал улетевшему вальдшнепу, что сегодня удача на его стороне, и неожиданно вспомнил - сегодня первый день Пасхи...

- Ну вот! - услышал я голос Белого, - Ну, наконец- то.

- Картина Репина "Приплыли"! - добавил Чёрный.

И тут же театральной декорацией поехали в стороны стены, начал растворяться в воздухе потолок. Мелькнуло и исчезло звёздное небо. И я поплыл, покачиваясь...

...Я сижу, покуривая, на одной из лавочек, что расположены под деревьями Ocean Parkway в Бруклине. В Нью-Йорке стоит осень. Я уже несколько месяцев, как отпущен домой. Я быстро начал восстанавливаться. Не понадобились даже, долго проектируемые, брейсы: специальные железяки, поддерживающие мышцы. Со всякой прочей чертовщиной тоже всё в порядке: никуда я не летаю, ничего необычного не вижу. Однако, каждый день по несколько часов я сижу у компьютера и записываю то, что видел когда-то. Ведь, если не зафиксировать эти существа, они просто исчезнут навсегда. А, ведь, я им обещал...

Итак, ближе к обеду я выхожу из дома на прогулку. Иду я с тростью в правой руке.

Подволакиваю левую ногу, но иду. На улице стоит крепкий запах последних бархатцев и опавших кленовых листьев.

Я раскуриваю свою трубочку и сижу, разглядывая редких прохожих. Вот и сейчас внимательно смотрю, как незнакомый старичок, чистенький и крепенький, как гриб боровик, нашёл что-то важное для себя в мусорной корзине.

Я снова раскуриваю свою трубочку и начинаю думать, что чужая жизнь, чужая судьба - как сказка, и реальна и нереальна одновременно.

Потом вспоминаю, что сказочные сюжетные ходы совершенно одинаковы у всех народов.

Потом меня осеняет, что и материальная культура до определённого этапа тоже была совершенно одинаковой.

Потом, неожиданно для себя и без всякого логического перехода, я решаю, что в жизни каждого из нас полно волшебства, только нам лень это волшебство замечать.

Вот так я развлекаю себя добрых два часа.

И вдруг вспомнился красавец вальдшнеп, которого мне не довелось убить. Повезло ему.

- Это тебе повезло, дядя, - сказал мне вальдшнеп, сидевший, оказывается, всё это время на дереве прямо надо мной.

- Такой уж ты – везун, - закончил свою речь вальдшнеп, снялся и улетел...

Нью-Йорк 1999 - 2003